

Вольфганг
Акунов

ВОЕННО-
ДУХОВНЫЕ
БРАТСТВА
ВОСТОКА
И ЗАПАДА

Документы и материалы древней и новой истории
Суверенного Военного ордена Иерусалимского храма

Вольфганг Акунов

**Военно-духовные
братства Востока и Запада**

«Алетейя»

Акунов В. В.

Военно-духовные братства Востока и Запада / В. В. Акунов —
«Алетейя», — (Документы и материалы древней и новой истории
Суверенного Военного ордена Иерусалимского храма)

ISBN 978-5-907189-40-9

Мы привыкли ассоциировать понятие военно-духовных братств исключительно с христианской религиозной, культурной, идеологической традицией. Однако эти укоренившиеся в сознании многих представления оказываются на поверку очередным мифом. Можно провести аналогии с акциями современных воинствующих исламистов. чьи «шахиды» – «мученики за веру» – черпают силы в традициях, уходящих своими корнями в эпоху противоборства христианства и ислама, тайных военно-духовных братств Ближнего и Среднего Востока – региона, с незапамятных времен и по сей день остающегося «пороховой бочкой», эпицентром непрекращающихся военно-политических конфликтов, будоражащих весь мир, и в то же время ареной постоянного взаимодействия цивилизаций. Об этом и многом другом читатель узнает из очередной книги нашего автора, историка Вольфганг Акунова, выходящей в серии «Документы и материалы древней и новой истории Суверенного Военного ордена Иерусалимского Храма».

ISBN 978-5-907189-40-9

© Акунов В. В.

© Алетейя

Содержание

Зачин	6
Как это все начиналось	10
О системе воинского воспитания и обучения у мусульман	14
А. Чему и как учились бедуины	14
Б. Что нового привнес в процесс обучения пророк Мухаммед	17
В. Что нового было привнесено в процесс обучения при Омейядах	21
Г. «Иранский Ренессанс» эпохи Аббасидов	24
Д. Единство в многообразии	27
Е. Война и мир	30
Ж. О повседневной жизни «Ориента»	35
Орден низаритов	37
А. Вместо вступления	37
Б. Шиизм и его разновидности	39
В. О Гассане ибн Саббахе	42
Г. «Теология ненависти»	45
Д. Захват «Орлиного Гнезда»	48
Е. Прямое действие	52
Ж. В центре низаритской паутины	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Вольфганг Акунов
Военно-духовные
братства Востока и Запада

NON NOBIS DOMINE NON NOBIS SED NOMINE TUO DA GLORIAM

Моей жене Валерии

Зачин

*Истлели кости и мечи
В Святой Земле...
И пламя восковой свечи
Дрожит во мгле.
А я, колени преклонив -
В иных веках,
Где над пустыней кружит гриф
И вьётся прах...
Среди песка, среди камней
Уж тысячу лет
Железных всадников, коней
Потерян след.
Но я, среди еще живых
Бреду в пыли...
А в жарком небе кружит гриф
Святой Земли.
На небе солнца адский круг,
Как знак беды...
Но, как на зло, не снять кольчуг,
И нет воды.
Вновь грохот битвы, лязг и треск,
Мольбы и кровь...
Безгрешен всяк, принявший крест, -
Бог – есть любовь!
Мы рубим нехристей, вперёд!
Коней – в галоп!
Всех, кто дойдёт – награда ждёт:
Господень Гроб!*

*Грабь, убивай и умирай -
Господь с тобой!
Погибших ждет пресветлый рай
И крест земной.
Иерусалим! Поёт душа
Слова молитв...
А в синем небе, не спеша
Кружится гриф...
... Что было дальше? Бог – судья!
Сомненья – прочь!
Молитвы, крики и резня
И день, и ночь!
Господень Гроб освобождён...
Господь простит
За эту кровь, за чёрный сон,
За боль в груди...
За то, что слабый менестрель,
Посмел воспеть
Не Божий промысел, не цель,
А жизнь и смерть.
Истлели кости и мечи*

*В Святой Земле...
И пламя восковой свечи
Дрожит во мгле.
А я, колени преклонив, -
В иных веках,
Где над пустыней кружит гриф
И вьётся прах...*

*Кирилл Ривель.
«Истлели кости и мечи»*

*Константинополь обязательно будет завоеван, и как прекрасен
тот мир, и как прекрасно то войско, что завоюет его.*

Предсказание пророка Мухаммеда

*Блаженны падишие в сраженьи!
Они теперь вошли в Эдем
И потонули в наслажденьи,
Не омрачаемом ничем.*

*А.С. Пушкин.
«Подражание Корану»*

Мы привыкли ассоциировать понятие военно-духовных, военно-монашеских и рыцарских орденов, да и понятия «рыцарь» и «монах» как таковые, исключительно с христианской, западной религией, культурой и идеологией. Между тем, все эти понятия оказываются на поверку очередным мифом наших традиционных, европоцентристских, или евроцентристских, представлений.

В действительности архетип духовного, рыцарского, военно-монашеского, духовно-рыцарского ордена является, при ближайшем рассмотрении, непоколебимо чистым и незамутненным, архетипическим идеалом не только Запада, но и Востока, ни в коей мере не ограничивающимся военно-духовными орденами, существовавшими в средневековой Европе (но возникшими, между прочим, в своей значительной части, также не собственно в Европе, а на Ближнем и Среднем Востоке, на Иберийском полуострове и в других зонах длительного противостояния, и в то же время – длительных контактов между Европой и Азией, но в первую очередь – между христианской и исламской цивилизациями).

Здесь представляется уместным указать на следующее обстоятельство. Слово «орден» (по-латыни: ордо, ordo) означает в переводе на русский язык буквально «порядок», «сословие», «строй» или «чин». Так, например, выражение «все чин-чином» означает: «все в надлежащем порядке». Сразу бросается в глаза не только созвучие, но и смысловое соответствие слова «орден»-«ордо» (от которого происходят аналогичные слова других индоевропейских языков – английское «ордер», немецкое «Орднунг», французское «ордр», итальянское «ордине», испанское «орден», португальское «ордем» и т.д.) тюркско-монгольскому слову «орда» (или «орта»; так, например, отряд в янычарской гвардии султанов турок-османов назывался «орта»), исконное значение которого – «ставка правителя (военачальника)», «военный стан», «военный лагерь», «упорядоченное войско» или «боевой порядок (строй)». Это одно из древнейших слов, вероятно, позаимствованных в незапамятные времена кочевыми племенами – предками народностей тюркского и монгольского корня – у древних иранских (арийских) кочевников, своих соседей по описанной в «Авесте» Великой Степи («Ариана Вэжа», «Арьянам Вайджа», «Арийский Простор»), наряду, например, со столь же древним словом «бога-

тырь»-«богатур»-«богадур» «бахадур»-«батор»-«баатар»-«багадур» (происходящим от древнего арийского слова «баг(а)» – «Бог»); «богатырь» – человек, одаренный Богом силой, отвагой и доблестью; «богатый», «богач» – человек, одаренный Богом большим имуществом. Впрочем, довольно об этом...

Архетип ордена – на уровне идейной преемственности – связан с многоразличными структурами. Такими, как тайный союз пифагорейцев. Как каста воинов-спартиатов в древнем Лакедемоне. Как фиванские бойцы «Священного отряда» Пелопида. Как сословие всадников-эквитов – знаменитое «ордо эквестер» – Древнего Рима (до его вырождения и превращения в касту сребролюбивых ростовщиков, откупщиков и торгашей). Как члены воинских союзов у древних германцев – дружинники-антрустионы франков, «люди-волки» лангобардов, берсерки, ульфхедины, варульвы, бьорнульвы, и свинфюлькинги норманнов дохристианской Скандинавии. Как «эвиониты»-ессеи (эссены), «ревнители»-зилоты и «кинжалыщики»-сикарии древней Иудеи времен земной жизни Спасителя. Как ирландские фианы-фении из «Красной Ветви» короля Конхобара Мак Нессы в столице древнего Ольстера Эмайн-Махе. Как африканские «люди-леопарды», «люди-львы» и «люди-крокодилы», вудуистские «тонтон-макуты», «заколдованные рубашки» индейских племен дакотов и сиу. Как адепты тайных обществ «Краснобровых», «Желтых повязок», «Красных повязок», «Красных кафтанов» и «Белого Лотоса» в древнем Китае. Как японские «буси»-самураи. И, не в последнюю очередь (а может быть – в первую, учитывая, что именно они оказали наибольшее влияние на непосредственно контактировавшие с ними духовные и военно-духовные ордены христианского Запада, а также нашедшие на том же Западе широкое распространение в последующие эпохи тайные общества розенкрейцеров, алхимиков, вольных каменщиков-«франкмасонов», карбонариев-«угольщиков», иллюминатов и проч. – вплоть до американского Ку-Клукс-Клана) – как мистики из тайных орденов суфиев-дервишей (многие из которых – Айссау, Бекташи, Кадырийа, Кубравийа, Мевлеви, Накшбанди, Ниматуллахи, Рифайа, Сенусийа, Сухравардийа, Тиджанийа, Чишти, Шазимийа, Ясавийа и другие – существуют по сей день), карматов-батинитов и измаилитов-низаритов мусульманского мира.

Вся жизнь адептов этих организаций, имевших эзотерический, то есть тайный, скрытый от непосвященных («профанов») характер, и жесткую дисциплину, определялась (и определялась) кодексом, носившим (и носящим) не только морально-этический характер. Этот кодекс был направлен на приведение деятельности адепта в гармонию с порядком мироздания. Все эти (а также многие другие им подобные) тайные общества, ордены и организации всегда требовали от своих адептов не только строжайшей военной и общественной дисциплины, но и обязательного духовного послушания. Ибо считалось, что адепт ордена, руководствуясь в своем поведении этими послушанием и дисциплиной, будет действовать в согласии с непреложным законом, установленным самим Богом, Творцом Неба и Земли.

Почему же все эти вопросы, все эти, казалось бы, «дела давно минувших дней», до сих пор волнуют нас, современных людей XXI века?

В данной связи нам представляется уместным привести цитату из книги Майкла Бэйджента, Ричарда Ли и Генри Линкольна «Мессианское наследие», посвященную анализу причин привлекательности «рыцарства». Естественно, речь идет о привлекательности рыцарства, понимаемого в широком плане, как членство в эзотерических организациях, обществах, орденах, или хотя бы причастность к ним, для современного человека, «утратившего корни».

При мысли же об этом современном человеке невольно сразу приходят на память два литературных героя.

Во-первых – незабвенный Джордж Огест Уинтерборн из бессмертного романа Ричарда Олдингтона «Смерть героя», который, вставив в рамки грамоты, удостоверяющие его принадлежность к разным тайным обществам и орденам, «вывесил их в самых неожиданных местах, чтобы они повергали непосвященных в изумление и трепет».

Во-вторых – незабвенный Люк Люббок из «Утопии-14» (известной также под другим названием – «Механическое пианино») Курта Воннегута, состоящий во множестве разных секретных союзов и проводящий все свое свободное – от скуки и безысходности серого будничного существования! – время в переодевании: то он – член братства «Королевских пармезанцев», красующийся в голубом, расшитом золотом мундире с пышными эполетами, грозно размахивающий обнаженной саблей; то – член тайного индейского общества «Заколдованных Рубашек» в соответствующем антураже; то – адепт некоего глубоко законспирированного и в то же время устраивающего публичные костюмированные шествия дервишско-суфийского ордена с накладной седой бородой в украшенном драгоценными (фальшивыми) камнями шелковом тюрбане, бережно несущий – напоказ собратьям по ордену – огромный слоновий клык, испещренный таинственными письменами – ключом к позабытой измельчавшим миром Мудрости Былых Веков.

Итак, цитата:

«...современная политика – это во многом вопрос эффектной подачи и «упаковки» товара, то бишь политических фигур. Если «товар» упакован привлекательно, то есть вызывает интерес и симпатии, то рыцарство – «упаковка» как нельзя более привлекательная. Оно способно предложить красочные ритуалы, праздничную обрядовость и пышность миру, который все более и более лишается причастности подобным зрелищам и все сильнее скучает по ним.

Рыцарство дает чувство преемственности, традиции секулярному миру, отрезанному от древних корней и ощущающему свою беспочвенность (добавим к этому – «бogoоставленность» – В.А.). Оно способно предложить ощущение величия людям, которым с малых лет вдалбливают в головы чувство собственной ничтожности и мизерности. Людям, восстающим против навязанной им беспомощности, одиночества и изоляции, рыцарство обещает и реально дает причастность к некоему общему делу, единой братской идее, уходящей корнями в прошлое. Оно позволяет многим людям испытывать свойственное им тайное чувство причастности к некоей тайной «элите», пусть даже не являющейся особенно престижной в современном мире. Рыцарство может предложить иерархию ценностей, которая не является банальной и пресной, а зиждется на некоем ином, тоже традиционном, основании – основании, которое служит отражением некоего Божественного замысла или плана. Оно может предложить ритуализированный и потому имеющий особую санкцию свыше канал выражения разнообразных эмоций. Таким образом, рыцарство может являть собой воплощение принципа сплоченности, хранилища устоев веры и смысла бытия. В определенных условиях оно может стать аналогом веры, а его деятельность – эквивалентом смысла бытия. Громадный потенциал возрождения рыцарства наглядно продемонстрировала в годы Второй Мировой войны Япония, где самурайский кодекс чести – «бусидо» – ставший основополагающим принципом всей культуры Страны Восходящего Солнца, достиг своей кульминации в явлении, которое, на взгляд Запада, кажется проявлением самого дикого фанатизма – явлении камикадзе».

Добавим к сказанному, что весьма сходным явлением представляются действия какого-нибудь массового убийцы вроде Андерса Беринга Брейвика (не только объявившего себя «рыцарем-тамплиером», но и реально состоявшего в масонской ложе тамплиерского обряда) или самоубийственные акции современных радикальных исламистов, чьи «шахиды – мученики за веру» из рядов «Братьев-мусульман», «талибов», «Хезболлы», «Аль-Каиды», «Хамас» и всевозможных «джамаатов», и «фидаины» – аналог японских летчиков-смертников «камикадзе (да и вообще японских «токкотай» – этим термином обозначали всех добровольцев-смертников, не только летчиков) -черпают силы, вдохновляющие их на самоубийственные террористические акты в традициях, уходящих своими корнями в эпоху тайных орденов мусульманского Востока.

Как это все начиналось

«Выступят порождения драконов Аравийских на многих колесницах и с быстротою ветра понесутся по земле, так что наведут страх и трепет на всех, которые услышат о них».

3-я книга Ездры, 15. 29.

С выходом на историческую арену пророка новой религии, ислама – это слово в переводе с арабского означает «покорность» (Богу) – Магомета, или, точнее, Мухаммеда (буквально: «Достохвального»); так был прозван своими арабскими последователями житель священного города Мекки Абу аль-Касим бен Абдаллах ибн Абд аль-Муталлиб ибн Хашим из древнего корейшитского рода Хашимитов, или, по-старому, Гашимитов), изменились весь ход истории и весь облик Ближнего Востока – колыбели Христианства.

Ислам как бы наложился на все предшествовавшие ему древние культуры и народности Переднего Востока, и, после утверждения силой оружия своего господства над ними, дал им новый Закон, изложенный в Коране – священной книге, продиктованной от имени самого Аллаха (Бога) Мухаммеду архангелом Джебраилом (аналогом архангела Гавриила христиан).

В 622 году Христианской эры произошло бегство (арабск.: «Хиджра») Мухаммеда из его родного города Мекки (где ему грозила кара за проповедь нового учения) в город Медину (Ятриб), соперничавший с Меккой («нет пророка в своем отечестве»). А к моменту кончины пророка Мухаммеда в 632 году Христианской эры (или к 10 году Хиджры, по новому мусульманскому летосчислению) он уже был повелителем всего Аравийского полуострова. Его воины-шахиды, одержимые, как исповедники всякой новой веры, религиозным пылом неофитов, устремили свои взоры на «неверный» Запад, намереваясь нести на остриях мечей учение своего пророка и туда. Халиф (преемник, наместник пророка) Омар (Умар), друг и советник Мухаммеда, в 638 году Христианской эры (или в 16 году Хиджры), отняв Святую Землю у христианской (Восточной) Римской империи (именуемой на латинском языке «Империиум Романум», а на греческом, все более вытеснявшем латинский на востоке бывшей Римской мировой державы – «Василия Ромеон» и лишь впоследствии, задним числом, получившей в трудах западноевропейских историков уже после своего падения, название «Византийской империи» или просто «Византии», происходящее от первоначального названия ее столицы Константинополя – Византий, куда римский император Константин I перенес в 330 году столицу Римской империи, официально переименовав город во «Второй Рим» или «Новый Рим», в отличие от италийского Первого, Ветхого, Рима на Тибре), завоевал Святой Град Иерусалим – духовный центр всего Христианского мира.

По авторитетному мнению академика Льва Николаевича Гумилева, мусульманская религия представляет собой, в сущности, вариант раннего, до-соборного христианства, почерпнутого молодым Мухаммедом из разговоров с караванщиками и купцами, приходившими в торговые города Аравии и, в том числе, в его родную Мекку, из богатых метрополий Ромейской василии (ставшего грекоязычным «Римского царства») – Пальмиры, Антиохии и Иерусалима. То христианство, которое они проповедовали, было особой христианской ересью – савеллианством, или учением Павла Самосатского (проповедью строгого единобожия, согласно которому Иисус был человеком, пророком, но не Богом Сыном, единосущным Богу Отцу) и модализмом (учением о проявлении единого Бога в разных лицах – в отличие от утвержденного в 325 году Первым Никейским Вселенским собором Христианской церкви учения о нераздельной и неслиянной Божественной Троице). Савеллианское лжеучение было отвергнуто еще Никейским собором, но сохранилось, даже после проведения в жизнь решений этого собора, в Сирии и Аравии. Приняв эту христианскую ересь за подлинное христианство, Мухаммед

и вообразил себя проповедником истинной веры в Бога ветхозаветных патриархов Ибрагима (Авраама), Исхака (Исаака) и Якуба (Иакова), якобы искаженной как современными ему талмудистами-иудеями, так и христианами господствующей у ромеев-«византийцев» Православной церкви (в ту эпоху православную веру исповедовали христиане не только Востока, но и Запада; разделение христианской церкви на римско-католическую и греко-кафолическую, или греко-православную, произошло лишь в 1054 году, да и после этого официального акта взаимного отлучения от церкви папы римского Льва IX и Патриарха Константинопольского Михаила I Керулария, еще долго носило формальный характер).

Говоря об исламе как религии и об изначально присущем этой религии стремлении к экспансии, необходимо учитывать следующее обстоятельство.

С точки зрения ислама весь обитаемый мир подразделяется на три «области» или «зоны»:

- 1) «Дар-аль-Ислам»;
- 2) «Дар-аль-Харб»;
- 3) «Дар-ас-Сульх».

Это три «области» или «зоны» обитаемого мира (именуемого древними греками «ойкуменой», а древними римлянами – «экуменой» или «кругом земным», «орбис террарум»), модель которых определяет три «подобласти», особый правовой, морально-нравственный и гуманитарный режим действий.

«Дар-аль-Ислам» – это область, в которой проживает мусульманская «община равных» («умма»), объединенная истинной верой в Единого Бога (и не знающая национальных различий). В этой области все устроено в соответствии с Божественными Установлениями («волей Аллаха»).

«Дар-аль-Харб» – это область, в которой мусульмане живут под властью немусульман («кяфиров» или «гяуров», то есть «неверных»). Там (выражаясь современным языком) «не действует обычное международное гуманитарное право». Война в этой области ведется по особым законам. Пленных не берут. Дозволено брать в заложники женщин, детей и стариков и торговать ими.

«Дар-ас-Сульх» – область, в которой (пока что) нет мусульман. В отношении этой области следует в течение десяти лет соблюдать перемирие, после чего необходимо рассмотреть, что делать с данной территорией, как ее захватить и освоить, то есть исламизировать.

В эпоху, предшествовавшую началу периода Крестовых походов, начавшегося в конце XI века по Рождестве Христовом, христианская Европа (Западная, Южная и Восточная) стояла перед крайне опасной перспективой постепенного освоения и захвата ее мусульманскими завоевателями.

К 700 году Христианской эры вся христианская восточно-римская (ромейская) Африка оказалась под властью арабов-мусульман. Через одиннадцать лет охваченные воинственным пылом арабы-мусульмане и обращенные в ислам берберы, («мавры») захватили обширные территории царства православных германцев-вестготов в Испании, а в 20-е гг. того же VIII столетия мировая мусульманская держава (Арабский Халифат) со столицей, расположенной первоначально в Медине, затем – в Дамаске, а впоследствии – в Самарре и Багдаде, уже простиралась от Пиренеев и Луары до Индии и Китая.

В 732 году франкскому полководцу Карлу Мартеллу – деду Карла Великого (Шарлеманя) и прародителю всех будущих императоров «Священной Римской империи» из франкской династии Каролингов – с величайшим напряжением сил удалось нанести поражение войску арабского правителя-вали покоренной мусульманами Испании Абд-ар-Рахману под городом Пуатье и таким образом остановить дальнейшее продвижение магометан в христианскую Западную Европу. Память о поражении, нанесенном франками магометанам при Пуатье, настолько врезалась в сознание мусульман (хотя они еще много десятилетий и даже столетий продолжали нападать и наводить страх на Европу, в особенности – Францию и Италию, отняв

у ромеев Сицилию, разрушив в 841 году Капую, подвергнув осаде в 846 году Первый, Ветхий Рим на Тибре, а в 871-873 гг. – Салерно и т.д.), что с тех пор последователи Мухаммеда традиционно именовали всех своих западноевропейских противников «франками». Почти одновременно – в 751 году – войско арабского полководца Зияд ибн Салиха, при поддержке тюркского племени карлуков (принявших ислам), разгромило в битве при Таласе армию китайской империи Тан, положив конец претензиям китайцев на Среднюю Азию, ставшую мусульманским регионом (хотя и не сразу). Между прочим, когда автор настоящих строк учился в шестом классе, то в нашем (советском) учебнике истории Средних веков об этой судьбоносной битве было, в вопиющем противоречии с историческими фактами, сказано, что китайские войска после упорного сражения, продолжавшегося целый день, разгромили войска арабских захватчиков. Видимо, партийная установка о том, что «Русский с китайцем – братья навек / Крепнет единство народов и рас, / Плечи расправил простой человек, / Сталин и Мао слушают нас! / Москва-Пекин!...» и т.д., еще не была в то время окончательно выброшена брежневским режимом на свалку истории. Причем данная китаефильская версия оказалась настолько живучей, что пережила и Сталина, и Брежнева, и Мао, и СССР, войдя и в современные российские издания. Так, например, даже такой уважаемый автор, как Вячеслав Олегович Шпаковский, написал на стр. 31 своей весьма содержательной и прекрасно иллюстрированной книги «Рыцари Востока» (М., Поматур, 2002): «В 732 году в битве при Пуатье во Франции войско арабов и берберов было разгромлено франками. В 751 году около Таласа (ныне город Джамбул в Казахстане) победу над ними (арабами – В.А.) одержали КИТАЙЦЫ (выделено нами – В.А.)». Впрочем, это так, к слову...

В результате успешной военной экспансии «народа ислама» западная граница «державы правоверных» – Арабского Халифата – отстояла в VIII веке после Рождества Христова от ее восточной границы на более чем десять тысяч километров. Таким образом, Халифат значительно превышал по своим размерам все предшествующие ему в мировой истории великие державы – Древнеперсидское царство Ахеменидов, государство Александра Македонского, Парфянское и Кушанское царства, Римскую империю и Новоперсидскую державу Сасанидов.

В завоеванных и исламизированных ими, в первую очередь, силой меча (и уж во вторую очередь – силой проповеди новой веры) странах мусульманские завоеватели столкнулись с высокоразвитыми культурами, которые были ими сохранены и использованы себе на потребу. Речь шла о древнейших в мире культурах, слившихся воедино благодаря влиянию древних греков и римлян, и позднее заложивших основу всей христианско-европейской культуры и цивилизации. Один из крупнейших культурных центров Древнего Мира и раннего Средневековья располагался в Междуречье, Двуречье, или, по-гречески, Месопотамии (в пространстве между упоминаемыми еще в общем для иудеев и христиан Ветхом Завете реками Тигром и Евфратом), другой – в Египте. Территории, расположенные между ними, испокон веков были желанным яблоком раздора между господствовавшими на Ближнем Востоке державами. Это состояние могло оказаться для них чрезвычайно опасным в случае, если бы Месопотамия-Двуречье и Египет оказались под властью одной державы, проводящей единую политику.

Во все времена, как тогда, так и ныне, Сирия и Палестина в такой ситуации оказывались как бы между двумя жерновами. Сегодня мы даже не можем представить себе, насколько богатыми и процветающими были в прошлом эти неоднократно перемалываемые беспощадными жерновами истории страны, именуемые Святой Землей или Землей Воплощения (Господа Иисуса Христа), некогда текшей, по выражению папы римского Урбана II, «млеком и медом». Хозяйство этих древних областей, вследствие многочисленных войн, не прекращающихся и поныне, пришло за последние столетия в глубокий упадок, причем оказалась практически уничтоженной древняя оросительная система, а население было поставлено на грань вымирания. В эпоху поздней Римской империи в этой нынешней «святой пустыне» располагалось бесчисленное множество древних городов с сотнями тысяч жителей.

Накануне Крестовых походов в Сирии и Палестине существовали блестящие университеты – центры утонченного образования (например, Каирский университет Аль-Азхар или Багдадский университет Низамийа, основанный вазиром сельджукских султанов Низам аль-Мульком, о котором у нас еще пойдет речь далее), в полной мере унаследовавшие культуру и науку поздней Античности. Следует заметить, что в предшествующую завоеванию Востока арабами-мусульманами ромейскую («византийскую») эпоху даже земли вокруг нынешнего Багдада были населены христианами – как православными, так и верующими, принадлежавшими к другим древним христианским церквям. Ведь именно покоренные мусульманами Армения, Месопотамия, Палестина, Сирия и Египет были теми землями, на которых раньше всего утвердилось христианство.

Хотя исламское завоевание не обошлось без неизбежных в таких случаях жестокостей, новые арабские владыки Переднего Востока очень скоро приспособились к новой для них ситуации и всего через несколько поколений полностью растворились в местном населении. Довольно скоро Халифат распался, сохраняя прежнее единство лишь формально. К началу эпохи Крестовых походов на Ближнем и Среднем Востоке существовало бесчисленное множество мелких государств, не имевших между собой ничего общего, кроме мусульманской веры и арабского языка (но дружно противостоявших всем «гяурам», «кафирам», «неверным», врагам ислама). Этот официальный государственный и священный язык, на котором велось судопроизводство и был записан Коран, объединял все исповедовавшие ислам народы от Индии до Испании и превращал их всех в «арабов» – членов единой мусульманской общины (упомянутой выше «уммы»), независимо от происхождения и даже разговорного языка.

На Западе всех мусульман именовали «магометанами» (по основателю их религии пророку Мухаммеду, которого христиане именовали «Магометом»), «сарацинами» (по названию одного из мелких арабских племен, известного еще древним римлянам и игравшего определенную роль в бесконечных войнах между сначала языческим, а затем христианским Римом, с одной, и аршакидской Парфией, а позднее – сасанидской Персией, с другой стороны), «агарянами» (в честь Агари – наложницы библейского патриарха Авраама, или Ибрагима, родившей ему сына Измаила) или же «измаильтянами» – в честь вышеупомянутого Измаила, считавшегося прародителем всех кочевых племен Аравийского полуострова (просьба не путать с измаилитами, о которых у нас пойдет речь далее).

Чем же объяснялись столь быстрые успехи исповедников новой веры, возвещенной пророком Мухаммедом первоначально лишь арабским племенам Хиджаза, а затем – всему миру?

О системе воинского воспитания и обучения у мусульман

А. Чему и как учились бедуины

Самобытная школа, готовящая воинов-кочевников Аравии к адекватным действиям в условиях реального боя, существенно повышающая их боеспособность, выживаемость и стимулирующая защитные функции человеческого организма, образовалась задолго до появления на исторической сцене пророка Мухаммеда. Суровые климатические условия Аравийского полуострова ставили перед бедуином-кочевником («бедави», то есть «сыном пустыни»), особо острую, в постоянной борьбе за существование, проблему выживания. Человек в процессе существования как вида никогда не был «особым интеллектуалом», и особенно много на уровне сознания не размышлял. Бедуин существовал во враждебной окружающей среде и поэтому для него, как правило, оказывалось не так важно, что именно он решал предпринять в условиях надвигающейся опасности (ударить, убежать или просто спрятаться). Важно было, как быстро он принимал то или иное решение. Человек, который слишком долго выбирал (естественно, при всех прочих равных условиях), очевидно, и не выживал, и, соответственно, не передавал эту свою неспособность выжить дальше, следующим поколениям. Поэтому способность к быстрому, в гораздо большей степени подсознательному, чем сознательному, выбору очень хорошо закрепилась в бедуине и, вообще говоря, делала возможной его жизнь как таковую. Проблема выживания породила такой род деятельности бедуина-кочевника, как защита от хищных зверей, охота, скотоводство и оборона от соседних племен. Эта проблема и определила необходимость передачи знаний от поколения к поколению. А передача знаний вне специальной педагогической практики невозможна.

Цель обучения и воспитания воинов – подготовка защитника своего племени – кочевникам-бедуинам представлялась двояко: с одной стороны, необходимо было добиться практических результатов, передать воспитаннику знания, навыки, умения, ценностные ориентиры и т.п., с другой – приобщить его к традиционным способам деятельности, как то велел обычай.

Задачей обучения и воспитания являлось наделение члена племени морально-этическими нормами и знаниями, необходимыми в кочевом хозяйстве и военном деле, в соответствии (в основном) с двумя главными законами морального кодекса: законом гостеприимства и законом кровной мести.

Воплотить в жизнь цели воспитания можно было, лишь сделав достоянием подрастающих поколений определенный социальный опыт, приобщив их к культуре, созданной предыдущими поколениями. Содержанием воспитания выступал процесс формирования норм, относительно которых человек оценивает характер своего сосуществования с общим целым (родом, племенем и т.п.), основанным на таком базовом свойстве человеческой психики, как способность подсознания фиксировать то сочетание особенностей жизни человека в условиях кочевого строя Аравии, при котором у кочевника возникало ощущение единства и отсутствия противоречий. Фиксировать это сочетание особенностей и условий как единое целое, как норму, и затем воспроизводить для сравнения с текущими условиями. Процесс формирования норм основывался также и на другом бытовом свойстве человеческой психики, заключающемся в способности человека на уровне эмоций, подсознания, чувств отождествлять себя с другими людьми (как правило – с авторитетами племени, героев сказаний и т.д.). Безусловно, учитывался и фактор, имеющий генетически-биологическую основу (естественно, интуитивно, на подсознательном уровне).

Этот процесс формирования норм, естественно, не мог быть адекватно и своевременно усвоен вне специальной педагогической деятельности. С точки зрения воспроизводства человека как субъекта социальной деятельности у кочевых народов Аравии необходимо было, чтобы он усвоил основные пласты культуры (а затем воспроизводил их, как норму):

- 1) Опыт, обеспечивающий воспроизводство материальных условий жизни;
- 2) Опыт, обеспечивающий воспроизводство общественных отношений;
- 3) Опыт, обеспечивающий воспроизводство духовной жизни;
- 4) Опыт, обеспечивающий защиту своего племени от внешних врагов.

В качестве средства воспитания широко использовался язык, опосредовавший все виды общения, ритуалы, представляющие собой социально значимые стереотипы поведения, воспроизводимые в различных жизненных ситуациях, фольклор, представляющий собой совокупность представлений о природе и обществе.

Средства воспитания использовались в структуре педагогических методов, среди которых особое место принадлежало одобрению или неодобрению действий воспитуемого, совместно разделенной деятельности, примеру, упражнению.

Воспитатели широко использовали внушение, вовлекая молодежь в коллективные обряды. Воспитательный процесс у арабских кочевников-бедуинов выступал в двух формах:

1. В форме, синкретически слитой с другими видами социальной деятельности, включенной в повседневное общение. Воспитание осуществлялось как бы в процессе развития жизненных ситуаций, в ходе развертывания которых возникала потребность передавать неопытному подростку определенные знания, умения, навыки, необходимые для выполнения им социально значимых действий или формирования общественно значимого отношения к различным событиям и явлениям.

2. Практиковалось также воспитание молодежи в рамках специальных институтов, которыми являлись: обряды посвящения в полноправные члены бедуинского племени, различные ритуалы и так называемые «школы на верблюдах».

Основным методом передачи знаний были обучение танцу воина-кочевника и различные религиозные обряды, которые консервировали в символике психомоторных движений самые трагические эпизоды борьбы за выживание. Процесс обучения воинским обрядам практически и являлся процессом передачи знаний и формой обучения вообще. В процессе обучения и воспитания участвовало все бедуинское племя.

Документальные источники утверждают, что обучение и воспитание воинов Аравии доисламского периода осуществлялось в двух формах:

- 1) глубоко в пустынях, в так называемых «школах на верблюдах»;
- 2) в городах.

До появления ислама, у бедуинов, хотя и имелось тяготение к оседлому образу жизни – государственности, что подтверждается существованием у арабов городов, преобладающим общественным строем являлся родоплеменной кочевой строй. В «школах на верблюдах» обучение и воспитание воинов выполняло развивающую и воспитательную функцию, что вполне удовлетворяло кочевников. Юношей учили верховой езде, владению мечом, копьем, ножом, кинжалом, дротиком («джидом», или «джеридом»), луком со стрелами, организации обороны племени, методам совершения набегов на соседние племена. В городах обучение и воспитание, помимо развивающей и воспитательной функций, выполняло еще и образовательную функцию. Защитников (воинов гарнизона) и охранников (воинов городской стражи, или, выражаясь современным языком, полиции) арабских городов обучали чтению; письму; математике (арифметике, то есть искусству счета; геометрия в курс их обучения не входила); музыке; искусству стихосложения (поэзии); воинскому мастерству, заключавшемуся в технике владения мечом, копьем, ножом, кинжалом, дротиком и луком со стрелами; умению обращаться с техническими

средствами (боевыми машинами), предназначенными для обороны городов; методам несения сторожевой службы и методам обороны городов.

Таким образом, воспитание и обучение арабских воинов носило характер, ориентированный на воспроизводство традиционных, обрядовых, религиозных, ритуализированных форм. Культура, усваиваемая молодыми людьми, была освящена тысячелетней практикой и носила обязательный для всех характер. Различия в воспитании определялись лишь различиями пола, которые были естественными и всеобщими. Девочкам отводилась роль продолжательниц рода, а в общественной жизни – ведение домашнего хозяйства. Воспитание было направлено не на обновление, а на воспроизводство ранее созданных образцов. Все это в совокупности и определяло эффективность и высокую результативность образования бедуинов.

Б. Что нового привнес в процесс обучения пророк Мухаммед

На рубеже VI–VII веков Христианской эры в арабском мире произошли стремительные перемены, вызванные переходом от традиционного кочевого родоплеменного строя к ярко выраженному классовому обществу, порождая в сердцах большинства арабов чувства уныния и отчаяния. Для людей, мыслящих традиционными понятиями, жизнь становилась попросту непереносимой – унылой, бессмысленной, унижительной и нелепой. Так или иначе, нужно было вырабатывать такое мировоззрение, которое позволило бы человеку и в условиях явной социальной несправедливости ощущать ценность и осмысленность жизни.

При разработке новой религии и, соответственно, новой системы мировоззрения – ислама – пророк Мухаммед умело использовал главные черты национального характера арабов: безграничную преданность в любви и дружбе, верность долгу (в том числе – и даже преимущественно – долгу кровной мести), мужество в борьбе со всеми внешними опасностями (воспитанное суровой, полной лишений кочевой жизнью в пустыне) и страсть к смелым подвигам (постоянно подпитываемая непрекращающимися междоусобицами). Эти главные положительные черты арабского национального характера, выражающие решительно преобладание в нем субъективной, личной стороны духа.

Перечисленным выше положительным чертам арабского характера вполне соответствовали и отрицательные: равнодушие к объективной истине как таковой, к истине внешнего фактора, сварливость и, наконец, то упрямство, о котором даже сам пророк Мухаммед вынужден был свидетельствовать в Коране в следующих выражениях: «Арабы пустыни самые упрямые в неверии и обмане» (не случайно Мухаммеду потребовалось на покорение Аравийского полуострова немногим меньше времени, чем его преемникам-халифам – на завоевание Святой Земли, Северной Африки и Персидского царства Сасанидов). Эти стороны и особенности сильного и в своих недостатках арабского национального характера Мухаммед умело использовал при создании своей исламской системы мирозерцания.

Он отчетливо понимал одну простую истину. Для того, чтобы объединить вокруг себя кочевые племена Аравии, необходимо разработать систему взглядов, положений и рекомендаций, предлагающую решение наиболее важных, ключевых вопросов жизни человека. Причем предлагающую решение их таким образом, чтобы с этой системой взглядов и положений соглашался и воспринимал ее, как свою, практически любой кочевник-бедуин (вне всякой зависимости от его социального положения и рода занятий).

Исходная система понятий, разработанная пророком Мухаммедом, была такова, что с ее помощью можно было легко формализовать, проанализировать, оценить любое явление реальной жизни кочевника. Ответить на основной вопрос – смысла и цели человеческой жизни. Разрешить извечную проблему жизни и смерти.

Сама жизнь показывала, что большая часть успеха зависит от правильного и адекватного восприятия положений Корана, а правильное восприятие невозможно без педагогической практики, для этого же, в свою очередь, нужна система воспитания и обучения. И Мухаммед занялся этой проблемой.

Он формализовал общую цель обучения и воспитания. Общая цель обучения и воспитания – распространение ислама среди самых широких слоев населения. Цель воспитания – формирование морально-этических норм воина ислама, закрепленных на уровне сознания и подсознания.

Цель обучения заключалась в наделении воина ислама теоретическими и практическими добродетелями (знаниями, умениями, навыками), закрепленными на уровне долговременной памяти.

Задачи военного обучения и воспитания сводились к работе с детьми и подростками, со взрослыми членами племени, как в мирное, так и в военное время. В наделении их морально-этическими нормами и знаниями, заложенными в религии (идеологии) ислама, обеспечивающими состояние единства части (индивидуума, конкретного человека-мусульмана) и целого (мусульманской общины – «уммы», совокупности частей, окружающих индивидуум людей-единомышленников), реализованное через неустанное стремление к Богу (Аллаху).

В качестве смысла жизни всякого мусульманина (главной задачи воспитания) – того, к чему его должно было, прежде всего, готовить воспитание, рассматривались послушание, повиновение, покорность («ислам») воле Аллаха, исполнение всех религиозных и прочих обязанностей, предписанных Богом и являющихся священным долгом всякого правоверного мусульмана. Правильное, адекватное восприятие положений Корана должно было обеспечивать состояние и чувство удовлетворенности жизнью. Иными словами, смысл и цель жизни любого мусульманина должны были заключаться в его стремлении к единству с общим целым – «уммой», окружающими людьми, реализованном в стремлении к тем нормам (по которым он оценивал характер своего сосуществования с «уммой», как с общим целым), которые сформировались у него в процессе обучения и воспитания.

Воспитание рассматривалось как способ наделения мусульмана этическими (нравственными) добродетелями, для чего считалось важным привить ему привычку совершать правильные действия, вести себя должным образом.

Образование считалось и было для всякого арабского воина обязательной составной частью воинского искусства. В доисламский период школа обучения и воспитания арабских воинов существовала, в основном, в качестве развивающего и воспитательного учреждения, и вполне соответствовала критериям воинской подготовки. Образовательный аспект присутствовал лишь в рамках обучения воинов, осуществляемого в арабских городах. С появлением ислама школа подготовки воинов приобрела, в дополнение к вышеуказанным нами функциям, также ярко и четко выраженную образовательную функцию и функцию психологической подготовки. Пророк Мухаммед взял курс на обновление и дополнение разработанных ранее форм обучения и воспитания воинов.

Как известно, религия является универсальным механизмом психологической подготовки (в том числе, и механизмом снятия противоречий, возникающих в жизни человека) в силу весьма многогранного воздействия на человека: с одной стороны, религия может снимать у человека противоречия в его мировоззренческой сфере существования, с другой – включает человека в непротиворечивое сообщество единомышленников, а также обладает очень мощным и эффективным механизмом обращения к подсознанию человека, его оздоровлению. Религия является также единственным сравнительно эффективным механизмом снятия абсолютно неразрешимых другими способами противоречий типа противоречия «жизнь-смерть», что мы наблюдаем в сурах Корана пророка Мухаммеда.

И обучение, и воспитание основывались на обретении молодым человеком (или молодым воином ислама, что мыслилось, как одно и то же) истинного знания. Знанию придавалось исключительно большое значение. Оно подразделялось на:

1. Предвечное и всеобъемлющее Божье знание, являющееся одним из символов всемогущества Бога (Аллаха);
2. Человеческое знание – обычное (мирское, секулярное) и религиозное (равное вере).

Вера на исламском Востоке в известной степени отождествлялась со знанием. При этом вера противопоставлялась неверию, а знание – неведению (невежеству). Стремление к знанию рассматривалось, как долг каждого мусульманина (и это представляется нам особенно важным). Обладание знанием в глазах общества, с точки зрения общественного мнения, ценилось выше, чем обладание собственностью. Считалось, что в идеале всякий образованный человек должен быть беспристрастным, ибо знание больше, чем собственность.

Собственность уменьшается по мере расходования, в то время как знание возрастает.

К овладению знанием, согласно принятой в Арабском Халифате точке зрения, вело четыре пути:

- 1) Усвоение исламских традиций;
- 2) Мистическое озарение;
- 3) Понимание посредством логического рассуждения;
- 4) Энциклопедическое знание.

При этом настойчиво подчеркивалась взаимосвязь между знанием и действием (делом, поведением), которая, в частности, должна была обеспечиваться единством должного обучения и воспитания. Все это делало проблему образования одной из центральных проблем в жизни Арабского Халифата.

Уточняя формы существования обучения и воспитания воинов в Халифате периода правления пророка Мухаммеда и первых четырех (праведных) халифов, отметим появление многоступенчатости образования:

- 1) семейное (домашнее) обучение и воспитание;
- 2) начальная школа,
- 3) средняя ступень;
- 4) высшая ступень.

Основную часть учеников начальной школы составляли дети торговцев и ремесленников, в меньшей степени – дети крестьянской верхушки. Феодалная аристократия, выделившаяся со временем из «уммы» (являвшейся, по первоначальному замыслу пророка Мухаммеда, «общиной равных»), предпочитала пользоваться услугами домашних учителей. В программе домашнего образования, наряду с Кораном, молитвами, физическим воспитанием, осваивали чтение, письмо, счет; уделялось внимание также изучению грамматики и литературы.

Со второй половины VII века школы существовали не только в городах, но и в крупных селениях исламского мира. Значительная часть населения Халифата была грамотна (в отличие от большей части населения стран тогдашнего Христианского мира). Так же, как в античном греко-римском и в ромейском христианском обществе, начальная школа в средневековом мусульманском мире была частной. Учитель договаривался с родителями учеников об условиях обучения. Обычно плата за обучение была невелика.

Общая направленность обучения и воспитания, даваемая мусульманской школой, соответствовала духу семейного воспитания. Именно семейное воспитание, в значительной мере, обеспечивало адекватность передачи знаний из поколения в поколение. Оно также было проникнуто духом ислама, установления которого строжайшим образом исполнялись в повседневной жизни. Это создавало исключительно благоприятную и благотворную почву для более глубокого изучения и постижения религии в процессе школьного обучения. Научить молодого человека не только читать Коран, но и обучить его военному делу (дабы он в равной степени владел как духовным мечом – словом Божьим, так и материальным, железным, мечом – не зря клинок меча пророка Мухаммеда – Зульфикара – был раздвоен) считалось религиозным долгом всякого учителя.

На средней и высшей ступени образования обучение чаще всего осуществлялось при мечетях (мусульманских молитвенных домах). В наиболее крупных мечетях в свободное от богослужений время занимались десятки классов. Такие классы именовались «кругами».

Изучаемые предметы делились по своему содержанию на две группы:

- 1) традиционные;
- 2) рациональные (умопостигаемые).

В первой группе главную роль играли религиозные дисциплины: толкование Корана, интерпретация устных преданий о жизни пророка Мухаммеда (хадисов), мусульманское право

и теология (богословие). Кроме того, в рамках данной группы предметов изучались арабская филология (грамматика, стихосложение, литературоведение и риторика).

Вторую группу изучаемых предметов составляли: логика, математика, астрономия, медицина и другие естественнонаучные дисциплины, а также связанные с ними философские концепции, идущие, в основном, от древнегреческого «царя философов» Аристотеля (или, по-арабски, Аристоталиса), высоко почитаемого как в христианском, так и в мусульманском мире.

На всех ступенях образования обязательным было военное обучение и воспитание. Таково было требование времени. Каждый мусульманин рассматривался, прежде всего, как воин Аллаха, защитник ислама, призванный своим мечом не только защищать истинную веру, но и распространять ее по всему миру.

В этот исторический период развития общественной системы Халифата, на основе пяти основных молитв, происходит формирование методических систем психофизиологической саморегуляции, в основу которых закладываются практические аспекты гармонизации тела и духа: «регулирование сознания», «регулирование дыхания» и «регулирование тела». Исходным положением в этой практике является психологический настрой, произнесение определенных звуков (это, как правило, молитвы), сопровождающееся физическими боевыми упражнениями. При условии правильности этих действий в сознании возникает определенный набор образов-символов (набор этих образов-символов был отображен на щитах мусульманских воинов и на украшениях разного рода военного снаряжения; на всех этих предметах изображены базовые ключевые образы, служащие наглядными методическими пособиями), что позволяет при правильном сочетании «звук-упражнение-дыхание-символ» привести ритм всего организма в соответствии с суточным ритмом Земли. Это значительно укрепляет здоровье, повышает работоспособность и выносливость, а также стимулирует умственные способности человека, обеспечивает его быструю адаптацию к разного рода стрессовым ситуациям. Упор в рамках данной практики делался на индивидуальный учебно-воспитательный процесс. Основу практики составляла военная гимнастика, каждому упражнению соответствовал не только определенный мыслеобразный символ, но и определенное звуковое сочетание – молитва. Об этом писал Абд аль-Гамид (Хамид) в своем труде «Правила удачной уловки». В процессе обучения уделялось особое внимание основным базовым боевым упражнениям, к совокупности которых можно было свести все остальные. Большое значение придавалось обучению правильному ритму выполнения этих боевых упражнений. Именно ритм боя был одним из ключевых понятий военного обучения у мусульман.

В. Что нового было привнесено в процесс обучения при Омейядах

Очередной этап в развитии обучения и воспитания воинов армии Арабского Халифата связывается источниками с приходом к власти халифов из династии Омейядов (Омайядов, Умайядов, Умейядов) в 661 году. В этот исторический период развития общественного строя Арабского Халифата началась реорганизация его вооруженных сил, вызванная целым рядом факторов. К числу этих факторов относились: усилившийся в ходе успешных завоевательных войн процесс феодализации арабского общества, необходимость ведения боевых действий на враждебной территории, необходимость держать в повиновении многочисленное население завоеванных стран и низы арабских племен, чтобы обеспечить возможность беспрепятственной эксплуатации обширных и богатых завоеванных иноплеменных областей, необходимость защиты и охраны городов и, наконец, необходимость продолжения безудержной территориальной экспансии, вытекающей из самой сущности ислама, как религии покорения (приведения к истинной вере) Вселенной, прежде всего, силой меча. Все эти факторы требовали создания более организованной и более централизованной военной силы, чем племенные ополчения предыдущего исторического периода. Кроме того, огромное исламское государство нуждалось в хорошо организованной администрации, которой, естественно, изначально не было, да и быть не могло в первичной ячейке исламской цивилизации – небольшой мусульманской общине арабов Хиджаза времен выхода пророка Мухаммеда на историческую арену.

При Омейядах, перенесших столицу единого исламского государства из Медины в Дамаск, в Халифате появились перенятые у Новоперсидского царства Сасанидов государственная канцелярия, органы управления финансами и халифатскими земельными владениями. По иранским и ромейским образцам были учреждены почтовое ведомство и полиция (государственная и городская стража). В связи с большой потребностью государства в квалифицированных чиновниках появилась потребность в создании системы народного образования. Были организованы и другие государственные учреждения, началась разработка правовая основа исламского государства, по своей юридической значимости не уступающей римскому праву. Возникла и необходимость в патриотически настроенной, преданной делу ислама аристократии.

Проведенная омейядским халифом Муавией I военная реформа, суть которой заключалась в создании хорошо организованной централизованной административной системы (центральный военный округ – региональный военный округ – город-база – пограничные воинские формирования, полиция) и в создании органов управления (канцелярия, финансовое и почтовое ведомство), потребовала новых подходов к обучению и воспитанию воинов ислама. Была разработана военно-педагогическая концепция, в рамках которой армия рассматривалась не только как вооруженная сила, но и как средство распространения мусульманской веры. Догматические основы ислама разрабатывались в виде всеобъемлющей универсальной системы философских, социальных, нравственных, правовых взглядов и идей, призванных обеспечить победоносное шествие арабов-мусульман по всей обширной территории Ближнего и Среднего Востока – для начала, а уж опосля...

Стиль жизни Арабского Халифата и присущая ему религиозная идеология, пронизывающая все аспекты этой жизни, ставили перед всяким педагогом (воспитателем, наставником, учителем) задачу интегрировать воспитуемого в господствующую и подлежащую безоговорочному, безусловному принятию систему исламских религиозно-этических норм, помогать в их освоении и усвоении, как разумом, так и сердцем.

Всякий правоверный мусульманин был обязан:

- 1) уверовать всем сердцем в Аллаха,

- 2) провозгласить (открыто исповедовать) свою веру,
- 3) совершать добрые (богоугодные) поступки, обусловленные искренними намерениями (а не ханжеством и лицемерием).

Вера, сопровождаемая подобающим ей поведением – приобретенное качество. В его формировании важное место отводилось воспитанию.

Исполнение мусульманином своего долга связывалось не только и не столько со стремлением к воздержанию и разумному самоограничению, сколько со способностью приобретать мирские блага в пределах, необходимых для обеспечения себя и своих близких средствами к существованию. Формирование этой способности также связывалось с соответствующим воспитанием и обучением.

Говоря о целях и средствах воспитания, мусульманские теоретики описываемого периода исходили из соответствующих идей античных, преимущественно греческих, ученых (благодаря огромной переводческой работе, проведенной в VII–VIII веках, мусульманскому миру стали известны почти забытые в тогдашней христианской, в первую очередь – Западной, Европе труды многих эллинских авторов – Аристотеля, Гиппократ, Платона, Феофраста, Евклида, Архимеда, Галена, Птолемея, Порфирия, Прокла, Плотина и др.). Античные философы учили, что все нравственные качества являются не врожденными, а приобретаются человеком в результате упражнений, привычки и навыка. Что велика роль воли, с помощью которой человек вырабатывает в себе умение сознательно выбирать желаемое между чувственными и духовными потребностями. Это впоследствии становится нормой, обязательной чертой характера, вырабатывается определенный духовный облик человека. Духовный облик человека, его характер формируется, изменяется, в силу различных объективных и субъективных воздействий, факторов – таких, как, например, общественная среда, воздействие воспитателя, человеческая воля и др. Самое существенное проявление воли – свобода, когда человек умеет выбирать между чувственными и духовными потребностями. Но то, что вначале было результатом свободного решения, со временем становится обязательной чертой характера. Хотя Аристотель и говорил об этике, но его трактовка нравственных правил и их кодекса носила лишь универсальный и абстрактный характер, без связи с чем-либо другим. Как известно, любой нрав, если его рассматривать в общем, способен передаваться и изменяться даже в трудных условиях. Ни одна черта характера не избегает изменения и передачи.

Нравственное воспитание всякого мусульманского воина начиналось с воспитания у него главных свойств – качеств, которые не исчезают вообще или исчезают лишь с трудом. При этом следовало исходить из того, что все нравственные качества, как положительные, так и отрицательные, не присущи человеку от рождения, а приобретаются.

Воспитание того или иного нрава зависит от окружающей среды, воли и желания воспитуемого. Вначале следует прививать какую-либо устойчивую привычку, под которой следует понимать длительное повторение какого-либо одного действия.

Необходимые нравы заложены, кроются в природе человека, но они только через сознательное, систематическое воспитание реализуются, осуществляются в человеке.

Для того, чтобы у военного человека выработался определенный нрав, необходима привычка к совершению соответствующих действий. Доказательства того, что нравы образуются от привычки, были видны на примерах гарнизонов, дислоцированных в мусульманских городах-базах, которые готовили воинов с учетом особенностей конкретного театра военных действий. Политические деятели должны были «делать жителей городов добрыми, приучая их творить добро».

Таким образом, при формировании духовного облика человека, по мысли мусульманских педагогов, решающее значение имели такие факторы, как общественная среда, взаимоотношения людей в общественном объединении и человеческая воля.

В процессе ведения активных боевых действий с врагами внешними («неверными») и внутренними (мусульманами-бунтовщиками, часто выступавшими под знаменем той или иной исламской ереси) армия Халифата несла большие потери. Она нуждалась во все большем числе хорошо обученных воинов. Возникла потребность в ускоренной массовой подготовке новобранцев к ведению боевых действий. Соответственно, стала получать все большее развитие форма военного обучения и воспитания, предложенная еще четвертым (праведным) халифом – «хызратом» («хазратом», «хазретом») Абу-ль-Хасаном Али ибн Абу Талибом аль-Кураши, часто именуемым просто Али (о котором мы будем еще не раз говорить на страницах этой книги), двоюродным братом, соратником и зятем пророка Мухаммеда. Стали особенно активно внедряться в государственную практику обучения ее методы, позволяющие достигнуть максимально адекватного поведения воина в критической ситуации. Упор при этом делался на индивидуальный учебно-воспитательный процесс. Основным методом обучения воинов ислама в период правления халифов из династии Омейядов стал метод ассоциативного мыслеобразного отождествления воином себя с тем или героем прошлых времен, например с «хызратом» Али – «Мечом Ислама». Внутреннее психологическое содержание этой практики нашло свое отражение в символах, запечатленных на щитах и боевых доспехах воинов, и в другой армейской символике. Основу практики в рамках данного метода составляли специальные гимнастические упражнения, с оружием и без оружия, под музыкальное сопровождение. При этом акцент делался не на физическом, а на умственном усилии обучаемого. Комплексное внушающее воздействие и специально подобранная последовательность боевых приемов позволяли в короткие сроки проводить массовую подготовку воинов к участию в реальных боевых действиях.

При правлении арабских халифов из династии Омейядов обучение и воспитание воинов начало развиваться в двух основных сферах:

- 1) в сфере государственной армии, обеспечивающей массовую ускоренную подготовку воинов к действиям в условиях реального боя;
- 2) в частной сфере, где обеспечивались воспитание и обучение патриотически настроенной, верной делу ислама аристократии.

Оба эти направления обучения вооружили правящий класс Халифата весьма эффективными инструментами управления «народом ислама», обеспечив возможность решения политических вопросов.

Г. «Иранский Ренессанс» эпохи Аббасидов

Следующий этап в развитии системы обучения и воспитания воинов армии Арабского Халифата был связан с приходом к власти халифов из новой династии Аббасидов (отстранившей от власти Омейядов в 750 году), при которых произошло настоящее «иранское Возрождение» (еще большее, чем при Омейядах, усиление роли иранской по происхождению мусульманской бюрократии и интеллигенции, возрастание роли персидской культуры, во всех ее аспектах, в жизни Халифата, ведущее к тому, что иноземцы порой воспринимали Арабский халифат как возрожденную Персидскую державу и западные хронисты – например, Эйнгард-Эгингард, биограф франкского короля и «римского императора» Карла Великого – даже именовали багдадского халифа Гаруна ар-Рашида «персидским царем Аароном», а папа римский Урбан II много позднее, на Клермонском соборе 1095 года, призывая Христово воинство Западной Европы к Крестовому походу на мусульман, обобщенно называл последних «персами»). К этому времени Халифат, очередной столицей которого (после сирийского Дамаска) стал Багдад (расположенный, что весьма характерно для персофильски настроенных аббасидских халифов, на древних иранских землях, неподалеку от развалин Ктесифона-Тизбона-Мадаина – разрушенной в VII веке победоносными арабами столицы Парфянского царства и Новоперсидского царства Сасанидов; правда, на некоторое время столица Халифата была перенесена из Багдада в Самарру, но этот период был непродолжительным), превратился в единое, централизованное государство. Крупные завоевательные походы мусульманских армий за пределы Халифата почти прекратились – он не мог бесконечно расширяться и бесконечно наступать. Требовалась, по крайней мере, определенная передышка. Ход исторических событий потребовал от правителей исламской державы существенной реорганизации армии, способной в новых условиях обеспечить защиту государственных интересов. Держать в повиновении большое число завоеванных народов халифам становилось все труднее. Народные восстания, происходившие преимущественно в исторически населенных персами и другими иранскими народностями землях – например, восстания Абу-Муслима и Муканны в Средней Азии или восстание Бабека (Бабака, Папака) в Мидии Атропатене – по-персидски: Атрпатакане, по-арабски: Адербагане, сегодняшнем Азербайджане (последнее сопровождалось даже отказом от навязанного арабскими завоевателями ислама и возвращением к древней иранской зороастрийской вере!), вскрыли несовершенство военной системы Халифата предыдущего исторического периода, когда в походы направлялись наспех собранные ополчения арабских племен с приданными им вспомогательными отрядами из числа покоренных и обращенных в ислам народов. Появилась потребность в высокопрофессиональных наемных частях, вывезенных из мусульманских стран, не скованных местными родоплеменными связями, и преданных только своему патрону – халифу, повелителю всех правоверных. Кроме того, огромное исламское государство нуждалось в эффективной, надежной и хорошо организованной защите границ. Выход из кризиса привел к созданию в IX веке института гулямов (гуламов), ставшего важной частью военной истории мусульманского Востока IX–XIII веков. Набираемые в основном из свободных, но частью также из числа рабов, гулямы проходили специальную военную подготовку. Они были превосходно вооружены и преданы своему правителю, от которого лично зависели. Вскоре отряды гулямов стали играть заметную роль в военно-политической жизни Халифата. Особенно высоко ценились отряды гулямов, набранные из кочевников-тюрок. Поскольку они были отличными всадниками, а именно в то время появилась надобность в коннице, которая могла бы одинаково успешно действовать как против легко-, так и против тяжеловооруженного противника.

На основе института гулямов в Халифате была создана специальная школа воспитания и обучения кавалеристов, в которой обучали верховой езде и правилам ведения боя в седле.

Первыми инструкторами школы были наемники-тюрки. Процесс обучения представлял собой комплекс динамических упражнений, выполняемых в жестко заданной последовательности под определенный мыслеобраз, с целью улучшения физических характеристик профессиональных навыков воина. Широкое распространение получил метод обучения игры в «конное поло» («чоуган»), пользовавшийся огромной популярностью еще среди конных витязей древних, доисламских иранских держав – Парфянского царства Аршакидов и «Эраншахра» (Новоперсидского царства Сасанидов) – а также Армянского царства (где также долгое время стояла у власти парфянская по происхождению династия Аршакидов), в рамках которого отрабатывались коллективные приемы ведения боя.

Институт гулямов уже в IX веке пустил столь глубокие корни в военной системе Арабского Халифата, что в конце того же столетия в разных частях мусульманской державы появились целые военные округа, во главе которых стояли местные династии наместников халифа гулямского происхождения. В каждом из этих округов были учреждены школы для обучения молодого пополнения исламской армии и совершенствования боевой выучки старослужащих. Основой комплектования института гулямов довольно быстро стала служба по контракту.

Огромное исламское государство, как уже было сказано выше, нуждалось в надежной защите своих протяженных границ. С этой целью была сформирована столь же протяженная приграничная линия оборонительных постов, на которые падала основная нагрузка. Обучение молодых людей несению пограничной службы велось в школах, специально учрежденных в пограничных округах. В этих школах с целью осуществления ускоренной подготовки воинов к несению пограничной службы, выполнению задач по пресечению попыток измены и укреплению государства преподавали физическую подготовку, морально-психологическую и профессиональную выучку по методикам, применявшимся в государственной армии Халифата. Основная идея ускоренного обучения воинов в Арабском Халифате заключалась в следующем: выделялись основные, базовые психофизиологические боевые упражнения, к совокупности которых можно было свести все остальные. Порядок выполнения и заучивания базовых упражнений зависел от времени суток, месяца и времени года, он четко привязывался к календарной системе, действующей в Халифате.

В период правления халифов из династии Аббасидов в Халифате возник еще один важный военный институт – корпус «сулуков». Если ранее так называли бродяг и «разбойников с большой дороги» (само слово «сулук» означает «дорога»), то в IX веке социально-экономические перемены на Ближнем и Среднем Востоке привели к трансформации значения этого термина. Надо сказать, что постепенное ослабление, а затем и дробление прежде единого Халифата на все большее число исламских государств (главы которых, основавшие местные династии, лишь чисто формально признавали над собой главенство багдадских халифов, приобретающее все более теоретический характер – как главенство западных императоров «Священной Римской империи» – преемников Карла и Оттона I Великих – над западноевропейским «Христианским миром»), вызвало все возрастающие военно-политические неурядицы в мусульманском мире и привело к нарушению устоявшихся в предыдущую эпоху феодальных связей.

К X веку по Рождестве Христовом политический распад некогда единой духовно-светской державы мусульман – Арабского Халифата – стал свершившимся фактом (то же самое, как говорилось выше, фактически произошло и на христианском Западе с основанной Карлом Великим и возобновленной Оттоном I Великим «Священной Римской империей»). За халифами осталась, главным образом, духовная власть над формально по-прежнему считавшейся единой «нацией ислама» – «уммой», реальная же политическая власть перешла в руки чисто светских правителей – султанов.

Слово «султан» – арабского происхождения и означает «единство власти». В священной книге мусульман Коране слово «султан» используется для обозначения не персонифицирован-

ного правителя, а отвлеченного понятия власти как таковой. Именно в этом смысле следует понимать приписываемое пророку Мухаммеду изречение (хадис): «Султан есть тень Бога на земле, и у него ищет убежища всякий обиженный».

Впоследствии, однако, султаном стал именоваться в мусульманском мире всякий представитель светской власти, в противоположность имаму (религиозному авторитету).

Впервые слово «султан» в этом новом, персонифицированном, смысле, было употреблено историком Табари по отношению к Муваффаку, брату аббасидского халифа аль-Мутамида (876).

После 946 года Христианской эры, когда мусульманские военачальники-шииты иранского происхождения – Буиды – лишили багдадских халифов-суннитов из Аббасидской династии светской власти, сделавшись при них наследственными верховными главнокомандующими всех войск Халифата, «султанами» стали называть всех светских правителей, независимо от размеров контролируемой ими территории. Сами Буиды, фактически превратившие арабский халифат Аббасидов (от которого откололись Египет и Испания, где образовались собственные халифаты – Фатимидский халифат измаилитов и суннитский Кордовский халифат наследников прежней династии Омейядов), в возрожденную (на мусульманской основе) Иранскую державу, присвоили себе старинный титул персидских владык из династии Сасанидов – «шахиншах (шааншах) ал азам» (по-арабски: «малик ал-мулук»), то есть «царь царей» («император»).

С середины XI века по Рождестве Христовом, когда туркменские (туркоманские) племена-огузы, ставшие известными под именем турок(тюрок)-сельджуков, свергнув власть Буидов, заняв их место светских владык при бессильных аббасидских халифах Багдада, установили свою власть над большей частью Арабского Халифата (и, в свою очередь, достаточно быстро иранизировались), «султанами» стали называть себя только главы независимых династий (например, султаны династии Сельджукидов), в то время как их родственники и вассалы должны были довольствоваться титулом «царь» (по-арабски: «малик» или «мелик», по-персидски: «шах»).

Многие мелкие и средние мусульманские феодалы оказались предоставленными сами себе и быстро беднели, что заставляло их набирать отряды и заниматься разбоем, а при случае – наниматься на службу к могущественным владетельным феодалам (подобно мелким феодалам– рыцарям – тогдашней христианской Западной Европы). Они превратились в своеобразных «кондотьеров мусульманского Востока», сыгравших заметную роль в военных событиях IX-XI веков. Их-то и стали называть в эти столетия «сулуками».

Д. Единство в многообразии

В описываемое время начали формироваться самостоятельные армии в становившихся все более самостоятельными исламских государствах, хотя и числившихся де-юре в составе Халифата. Так, в государстве Саджидов ядро военной организации составляли конные отряды гулямов и сулуков и пехота, набиравшаяся из добровольцев. Последние в сражениях принимали на себя первый удар, гулямы же находились во второй линии боевого порядка (в качестве резерва), для нанесения главного удара по противнику. В зависимости от обстановки, боевой порядок мог, конечно, быть иным.

Военная организация армии государства Ширваншахов (Ширвандидов, Ширваншитов) в IX–XIII веках отличалась большой сложностью, ибо военное дело в государстве Ширваншахов (расположенном на территории древней Мидии, входившей в свое время в доисламские иранские державы Ахеменидов, Аршакидов и Сасанидов) имело многовековые традиции, и нововведения лишь дополняли, но не изменяли существовавшую там издавна военную систему.

Во главе ширвандидского войска стоял «сар-лашкар» (персидский военный термин), которому в мирное время подчинялись регулярные войска (арабск.: «аскар») и пограничные войска (арабск.: «джунд»), дворцовая стража («гулямы»), инженерные части, а также военный флот. В военное время ширванское войско усиливалось за счет отрядов добровольцев (арабск.: «мутатаввийа») и наемников (арабск.: «шакавийа»). Первые состояли из «гази(ев)», то есть «бойцов за веру», так называемых «чтецов (Корана)» (арабск.: «курраа»). Вторые, помимо сулуков, включали «пришлых» (арабск.: «гкраба»), то есть, воинов, нанятых не в своей стране, а за ее пределами.

Обучение воинскому искусству в армии Ширваншитов носило последовательный, поэтапный характер. Каждому боевому действию соответствовал присущий только ему набор психофизиологических упражнений. Эти упражнения были подчинены строго установленному порядку, имели строго закреплённую последовательность выполнения, что и сказывалось, в конечном счете, на качестве военного обучения, оценивавшимся современниками как исключительно высокое.

Военное дело в государстве Саманидов не имело многовековых традиций. Основу их войска составляла прославленная пехота, не имевшая себе равных в тот период. Конница была наемной и включала отряды сулуков и курдов (воинственного племени иранского происхождения, известного еще античным военным писателям, начиная с Ксенофонта и Арриана, под названием «кардухов»; от курдов вел свой род, в частности, султан Сирии и Египта Аль-Малик ан-Наасир Салах ад-Дунья ва-д-Дин Абуль-Музаффар Юсуф ибн Айюб, или, по-нашему, по-русски – Саладин из династии Айюбидов, о котором у нас еще не раз пойдет речь далее).

Военная организация армии была построена на использовании десятичной системы Халифата. Во главе десятка стоял араф, во главе сотни – на(г)иб, во главе тысячи – канд.

Главкомандующий носил персидский титул спяхсалар (сипахсалар, спасалар – от персидского слова «спях», означавшего «войско» еще в эпоху Сасанидов, к которым возводили свое происхождение Саманиды). Боевой порядок состоял обычно из двух частей: впереди выступала пехота, образуя тесно сомкнутый строй копейщиков, позади – конница.

Обучение и воспитание воинов осуществлялось согласно общепринятой в Халифате системе, носящей последовательно поэтапный характер обучения и воспитания:

- 1) домашнее воспитание, обеспечивающее сохранность и преемственность традиций;
- 2) начальная школа, в которой основную часть учеников составляли дети ремесленников, крестьян и представителей воинского сословия;

3) школа среднего звена (функционировавшая обычно при мечетях), в которой обучались дети аристократии, представителей воинского сословия и в меньшей степени – были представлены дети ремесленников и крестьян;

4) школа высшего звена – медресе, учебное заведение закрытого типа, созданное, вероятнее всего, как говорит само его название, по образцу мидраша – училища у караимов (иудеев-неталмудистов); в медресе обучались, в основном, дети мусульманского духовенства, аристократии и воинского сословия, а дети ремесленников и крестьян были представлены в незначительной степени.

Основная линия программы обучения и воспитания заключалась в познании первопричины бытия, познании нематериального и бестелесного бытия и его качеств, познании неба и небесных тел, изучении природных явлений, сущности человека и его психологических состояний, мира психических отражений человека, а также изучении военных, государственных и политических наук.

На всех этапах обучения в Халифате широкое применение находили методы педагогического внушения и подражания. В начальной школе в основном применялся метод подражания («на кого ты хочешь быть похожим?»). Ученики сами выбирали себе объект подражания. Как правило, объектами подражания были выдающиеся люди прошлого (столпы ислама, народные герои, выдающиеся полководцы, доблестные воины). Все свои действия и поступки ученики сверяли с действиями и поступками своих кумиров. В школах среднего звена находил широкое применение метод моделирования различных жизненных ситуаций, решающим фактором в рамках которого является четкое мысленное проигрывание поведенческой ситуации. В школах высшего звена преимущество отдавали методу внушения и самовнушения, в основе которого лежит практика дыхательно-медитативных упражнений, которая позволяет синхронизировать дыхательный и сердечный ритм с заданной или спонтанной последовательностью движений в целях оптимизации физиологических процессов и изменений сознания в сторону большей гибкости. Этот метод имел множество разновидностей, в основе которых лежит четко заданная последовательность: «звук-движение-символ».

Военная организация в исламских государствах Шаддадидов и Раввадидов также была основана на десятичной системе. Во главе сотни стоял сарханг, во главе тысячи – салар. Войско той или иной области государства подчинялось селадару у Шаддадидов и сэпахбаду (от персидск.: спахбед) у Раввадидов. Оба они, вместе с комендантами (начальниками) крепостей (персидск.: кутвал) и предводителями пограничных отрядов (персидск.: канаранг), подчинялись главнокомандующему – спа(х)салару. В отличие от саманидского, в шаддадидском и раввадидском войске конница доминировала над пехотой.

В оппозиционных властям предрежающим движениях существовала своя школа ускоренного массового обучения воинов (в разработке которых ведущая роль принадлежала тайным, преимущественно суфийским, обществам, братствам и орденам, имеющим иранское происхождение и уже в силу этого оппозиционных правящему «арабскому» истеблишменту; о них у нас еще пойдет речь далее). Основанная на комплексном внушающем воздействии система обучения позволяла в короткие сроки проводить массовую подготовку воинов к участию в реальных боевых действиях в ходе народных восстаний. Принцип методики заключался в том, что все тело было расслаблено, акцент делался на умственном, а не на мускульном усилии. Иными словами, последовательность приемов была подобрана таким образом, что позволяла обучать воина максимально адекватным действиям в условиях реального боя, повышала живучесть и выживаемость войск.

Со второй половины XI века в исламских государствах Арабского Халифата еще в большей степени, чем прежде, возросло значение такого рода войск, как конница. Боевой порядок стал значительно гибче. Эволюция института «икта» (связанного с изменением системы дислокации войск в государстве) привела к его трансформации из бенефиция (условного военного

держания) в аллод (наследственное владение) и возникновению на рубеже XII века военно-ленной системы. Мусульманская пехота окончательно утратила свое бывшее значение, военное дело (как и на тогдашнем христианском Западе, как, впрочем, и в Римской империи) стало исключительной прерогативой феодалов и их конных дружин. Начались существенные изменения в теории и практике военного обучения.

Специфика социальной базы исламских армий периода перехода к военно-ленной системе вызвала к жизни целый ряд важных последствий. Изменилось положение армии в составе общественного организма. Сложилась новая основа для взаимоотношений между армией и остальным населением исламских государств, в большей или меньшей степени формально считавшихся составными частями Арабского Халифата, продолжавшего существовать де-юре в качестве единого целого. Появились новые черты во взаимоотношениях начальников с остальным населением Халифата, а также во взаимоотношениях начальников и подчиненных в самой армии (сердцем армии по-прежнему оставался институт десятников), в состоянии ее дисциплины, в системе воинских наказаний и поощрений. Определенные изменения должны были произойти и в общевойска доктрине «нации ислама», во взглядах на проблему войны и мира.

Е. Война и мир

Военные специалисты Халифата этого периода, в отличие от своих коллег предыдущих периодов истории исламской державы, характеризовавшихся идеей безудержной военно-политической экспансии, решительно подчеркивали свою приверженность к миру, к добрососедским отношениям с другими странами, к справедливости в отношениях с ними. Смысл их позиции по данному вопросу сводится к основному правилу: причина войны должна быть законной. Относительная вредность силового решения политических и иных проблем заключалась, по мнению тогдашних исламских теоретиков, в практической нецелесообразности войны или любой другой формы острой вражды. Эта нецелесообразность подчеркивалась, в частности, в трактате «Князь и зеркало»: «Разумный человек и хороший политик должен избегать войны. Ведь при использовании любых других методов решения проблем и конфликтов тратятся деньги, речи и силы. А цена успеха в сражении, если еще удастся победить – человеческая жизнь» (Аль-Маварди. «Облегчения»).

Данная нецелесообразность сводилась теоретиками к следующим трем пунктам:

1. Открытая враждебность, перерастающая в прямое столкновение, приводит к невозможным утратам – к потере человеческих жизней. Их, в отличие от речей, сил, денег, восстановить никому не дано.

2. Бой опасен тем риском, который от него практически неотделим. «Избегай того, чтобы заполучить победу в прямом столкновении. Ведь она почти всегда сопряжена с риском» (Аль-Маварди. «Законы»). Это относится даже к тем, кто уверен в своей силе. «Разумный муж не должен сеять и пожинать враждебности, надеясь на собственную силу, как не должен обладатель териака (чудодейственного лекарства – В.А.) пить яд, надеясь на свое целительное средство» (Ибн Мункиз. «Книга назиданий», Аль-Муради. «Правила амирской власти»). Враждебность может стать неуправляемым, независимым от человека процессом. В этом смысл афоризма: «Три вещи не бывают малыми: огонь, болезнь, враждебность» (Ибн аль-Мукафори. «Калила и Димна»).

3. Боя нужно избегать в случае неготовности или неспособности к нему. «Разумный примирится с врагом, если принужден к этому, всячески старается заслужить его доверие, выказать свою любовь и, если это необходимо, делает вид, что откровенен с ним и ничего от него не скрывает, но, как только появляется возможность быть подальше от него, спешит оставить» (там же).

Всю военную доктрину периода военно-ленной системы в истории Халифата пронизывала мысль о том, что сословия воинов, ремесленников и земледельцев – наиболее важные группы населения; об остальных сословиях можно заботиться меньше. Весьма характерным представляется то обстоятельство, что данная военная доктрина фактически не разграничивала воинов, ремесленников и крестьян, говоря о них, как об одной, нерасчлененной группе населения. Поэтому можно сказать, что она выражала интересы свободных земледельческих общин и ремесленнических объединений тогдашнего мусульманского общества (аналогичных римским коллегиям, а также цехам или гильдиям стран христианской Западной Европы), видевших смысл своего существования уже не в перманентной «священной войне за веру», как пассионарии-муслимы героической эпохи Мухаммеда и его первых преемников, а в мирном труде и отвлекавшихся от этого мирного труда лишь постольку, поскольку этого требовала военная необходимость. Это нашло свое отражение в системе обучения и воспитания в школах среднего и высшего звена – увеличилось количество учеников из сословий ремесленников и крестьян.

Требования, предъявляемые в описываемый период истории Халифата к кандидатам на высокие армейские должности, особенно на должность командующего, были очень высоки.

Все исламские военные теоретики той эпохи определенно высказываются в пользу назначения на высокие армейские посты людей состоятельных и, в силу этого, могущих использовать свое материальное положение для укрепления своего влияния на подчиненных (что было характерно не только для мусульманской, но и для христианской – в частности, ромейской, военной мысли).

Средневековый мусульманский военачальник планировал свои действия и действовал, принимая во внимание четыре главных фактора:

1. Астрологическое влияние звезд и планет (оно рассматривалось как задающее будущую конфигурацию событий, в которой нужно было прочертить собственный путь человека).

2. Физиологические показатели (они давали возможность определить характеристики человеческого окружения с целью определенного взаимодействия с ним).

3. Добрые и дурные предзнаменования (они трактовались как некие предупреждения, указания, знаки, даваемые человеку сверхчеловеческими силами и соответственно направляющие его).

4. Божественное всемогущество, которое, в соответствии с обязательными религиозными (идеологическими) представлениями того времени, признавалось решающим фактором относительно как предыдущих трех факторов, так и относительно самого действующего военачальника.

Сердце мусульманской армии – десятник – должен был представлять собой воинский идеал (как некогда римский центурион, хотя тот был, как известно, не десятником, а сотником). Основным критерием оценки десятника начальством служили его боевая подготовка и высокие моральные качества. В описываемую эпоху развития военного искусства Халифата получила дальнейшее развитие форма военного обучения, которая позволяла достигать максимально адекватного поведения воина ислама в критических и стрессовых ситуациях. Упор традиционно делался на индивидуальный учебно-воспитательный процесс.

К тому, о чем сейчас пойдет речь, в Арабском Халифате пришли опытным путем с использованием многовековой систематической практики наблюдения за явлениями природы и их отражением на материальном благосостоянии человека и общества. Под тем, что мы сегодня называем критической и стрессовой ситуацией, в трактатах военных теоретиков Арабского Халифата понималось наличие некоторого неразрешенного, неясного, более-менее ярко выраженного противоречия (когда оценочные нормы не соответствуют сочетанию условий, характеризующих ту или иную жизненную ситуацию), предполагающего, что наиболее естественным исторически и физиологически способом снятия противоречия является прямое физическое действие.

Здесь необходимо помнить о том, что основная задача, которую постоянно решает подсознание человека, заключается в обеспечении безопасности, сохранности своего биологического носителя, поскольку это необходимо для решения любой другой задачи. Во-первых, подсознание выделяет в наблюдаемом объекте или процессе некую закономерную, понятную составляющую. Причем не каким-то замысловатым путем, а с использованием механизмов формирования норм, по которым человек оценивает характер своего существования в той или иной сфере бытия. Одновременно подсознание оценивает соответствие частей данного процесса, объекта этой составляющей. Предположим, что они совпали. Нет отклонений, которые подсознание оценивает как источник потенциальной опасности. Возникает эмоциональное состояние безопасности, удовлетворенности. Другой вариант: предположим, что соответствие оказалось обозначенным, но после этого происходит неожиданное отклонение. Оно оценивается подсознанием в качестве предвестника потенциальной опасности, что приводит к защитной физиологической реакции, гормональному выбросу. Но подсознание же достаточно быстро приходит к выводу, что это отклонение безопасно. Срабатывает защитный механизм против защитного механизма: физическое действие происходит, но в трансформированном и

стандартизированном виде – например, в виде напряжения мышц грудной клетки и лица, в виде смеха (не зря ведь говорится, что «от трагического до смешного – один шаг»).

В задаче, которую решает подсознание и которая направлена на реализацию инстинкта самосохранения, есть первый пункт, первое действие, обеспечивающее возможность ее решения: для того, чтобы вовремя и эффективно решить ее, необходимо выявить, а еще лучше – спрогнозировать появление опасности, с тем, чтобы получить некоторый запас времени для подготовки к отражению или нейтрализации этой опасности. Воин должен научиться предвидеть, предощущать критическую ситуацию.

Индивидуальный учебно-воспитательный процесс позволял выработать у воина ислама способность, на подсознательном уровне, постоянно, даже во сне, заниматься поиском возможной опасности. И когда возникало что-либо неожиданное или непонятное, оно оценивалось подсознанием мусульманского воина как источник возможной, потенциальной опасности. Подсознание дает организму своего носителя сигнал на подготовку к отражению этой потенциальной опасности. Происходит выброс биологически активных веществ в кровь для перевода организма человека в состояние, в котором он может совершить больше работы в единицу времени. В наше время наукой доказано, что если такой выброс биологически активных веществ произошел и после него не совершено физического действия, это приводит к своего рода «общей порче» организма. Биологически активные вещества не «сгорают», не используются в том режиме, который предусмотрен природой.

Военные теоретики Арабского Халифата пришли к этому пониманию практическим путем (система психофизических упражнений позволяла снимать, нейтрализовать качественные процессы в организме). При возникновении и нарастании стрессоподобного состояния рекомендуется понять механизм его возникновения и постараться, насколько это ни покажется парадоксальным, «помочь» этому механизму, проговорив за него ту формулу, в соответствии с которой он, собственно, и действует. Арабы (а впоследствии – и другие воины ислама, принадлежащие к иным народностям) в таких случаях использовали соответствующие молитвы и заговоры, сводящиеся к формуле: «Это опасно, это очень опасно, это смертельно опасно для моей жизни». Оказывается достаточным проговорить эту формулу, чтобы в достаточной степени исключить разрушающее воздействие упомянутого выше механизма. Ведь если эмоцию перевести в словесный вид (из словесно формализованно не выражаемого мышления в словесно формализованно выражаемое мышление), она перестанет быть эмоцией. Очень важно понимать, что, если эмоция расшифрована неправильно, то она, естественно, не выводится из эмоциональной сферы. Умению воина правильно расшифровать свои собственные эмоции и эмоции других придавалось очень большое значение. Учебный процесс был направлен на то, чтобы, после усвоения его содержания, у воина ислама появлялась возможность самостоятельно решать широкий круг психоаналитических (выражаясь современным языком) задач. Большое внимание в процессе обучения уделялось борьбе со страхом. Ведь чувство страха приводит к понижению физиологических возможностей человека, к его демобилизации. Это относится именно к чувству страха, как таковому. Подчеркнем, во избежание путаницы, что иногда ситуация может быть объективно страшной, но чувства страха у человека, оказавшегося в этой объективно страшной ситуации, при этом не возникает, а возникает нормальная физиологическая реакция, повышающая физиологические возможности человека. При настоящем страхе, подсознательной оценке некоторой обычно прогнозируемой в определенном будущем ситуации, как ситуации, отягощенной неразрешимыми или трудноразрешимыми противоречиями, человек боится, что он с чем-то не справится. И в связи с тем, что эта оценка возникает на уровне подсознания, то есть именно на том уровне, на котором происходит управление внутренними органами и физиологическими функциями, эти функции в различной степени демобилизуются. Борьбу с негативными эмоциями в армиях Арабского Халифата вели при помощи внушения, самовнушения, широко используя молитвы, заговоры (загрузка на уровень

подсознания логически эмоциональных схем, нейтрализующих негативные эмоции), переключение (сдвиг во времени, физические упражнения, различные игры, ритуальные омовения, умывание и т.д.), психоаналитический подход, расшифровку, «ословесливание» (выражение в словесной форме) первопричины негативных эмоциональных состояний.

Система воинских наказаний и поощрений, действующих в армии Халифата, была направлена, с одной стороны, на то, чтобы пресечь возможность воинских проступков и преступлений, а с другой стороны – на то, чтобы повысить заинтересованность воинов в ревностном исполнении ими своего воинского долга. Основное внимание уделялось не разработке карательных мер, наказаний за воинские преступления, а совершенствованию мер поощрения воинов. Такая тенденция может быть понята и объяснена, с учетом коренных изменений в социальном и национальном составе войск Арабского Халифата.

Вся система воспитательной (или, выражаясь современным языком, идеологической) работы среди воинов ислама была рассчитана на неуклонный подъем боевого духа армии и поддержание этого боевого духа на постоянно высоком уровне. Военными теоретиками чрезвычайно высоко оценивалось значение идеологической работы в армии, при этом постоянно подчеркивалось преимущество живого слова перед другими методами командования.

Для обеспечения максимальной сплоченности своей армии командующим рекомендовалось по возможности использовать родственные связи между воинами.

Религиозная служба в мусульманской армии также была направлена на сплочение воинов, на укрепление их дисциплины. Религиозное воспитание в войсках Арабского Халифата составляло основу морального воздействия.

Военные специалисты данного исторического периода развития Халифата, отдавая себе полный отчет в возросшей ценности армии в системе государственных учреждений, вели успешный поиск методов достижения победы над врагом с минимальными возможными собственными потерями. Важнейшим методом усиления своей армии они считали повышение ее морально-политического уровня. Имея объективную основу для деятельности в этом направлении (новый национальный и социальный состав армии), они разрабатывали подробные рекомендации для извлечения максимальной выгоды из нового состояния.

Главная причина тесной зависимости военной доктрины армии Арабского Халифата от доктрины развития государственности заключалась в том, что обе эти доктрины отражали сущность одного и того же хронологически длительного этапа в развитии мусульманской военной организации. Расхождения в концепции обеих доктрин объясняются разными уровнями развития одной военной организации.

Суть методов, применяемых в процессе обучения и воспитания воинов армии Арабского Халифата, заключалась (в современной трактовке) в том, что эти методы представляли собой специфическую форму теории и практики внушения в педагогическом процессе. Практически определив некоторые универсальные закономерности развития материи, арабы Средневековья создали уникальную систему пролонгированного обучения, имеющую (если провести аналогию с программированием) жестко фиксированное количество приемов, каждому из которых соответствовал целый учебно-методический комплекс.

Из всего изложенного выше можно сделать вывод, что, согласно идеологической доктрине обучения воинов армии Арабского Халифата, смысл и цель жизни любого человека заключалась в его стремлении к единству с окружающим целым. В стремлении к единству, реализованном в стремлении к тем нормам, которые сформировались у человека в различных сферах его сосуществования с общим целым. При этом данный человек не должен был забывать о том, что его нормы не совпадают с нормами других людей. И не было никаких оснований полагать, что его нормы, интересы, ценностные ориентиры выше, чем чужие. Но, рассуждая логически, нельзя было не согласиться и с обратным – с тем, что нормы, интересы и ценностные ориентиры других людей не выше норм, интересов и ценностных ориентиров данного кон-

кретного человека. Из этого следовало, что все люди равны. Равны только и единственно как части прошлого, настоящего и будущего, равны как части Вселенной, находящейся в полной власти сотворившего ее Единого Бога.

Сказанное целиком и полностью относится к обучению не только воинов светских армий Арабского Халифата и возникших в его недрах, а впоследствии – и на его развалинах исламских государств, но и адептов тайных духовных орденов мусульманского Востока.

Ж. О повседневной жизни «Ориента»

У мусульман было то, чего тогда так не хватало христианскому Западу – чувство единства и относительно спокойного существования. На протяжении столетий мирной жизни во многих мусульманских, или сарацинских, землях как материальная, так и духовная культура достигла высочайшего расцвета. Но этот расцвет имел и свою обратную сторону. Жители мусульманских городов – потомки арабских завоевателей, слившиеся с насильственно исламизированным местным населением – стали настолько изнеженными, что предпочитали вести военные действия руками наемных воинов (преимущественно тюркского происхождения).

Попытаемся теперь вкратце описать повседневную жизнь мусульман Среднего и Ближнего Востока – «Ориента», как его именовали писавшие свои сочинения по-латыни средневековые западноевропейские летописцы (от этого, кстати, происходят наши слова «ориентир» и «ориентироваться», поскольку именно там находился Святой Град Иерусалим, к которому были устремлены помыслы всех христиан, в соответствии с чем именно на Иерусалим были ориентированы все христианские географические карты со времен поздней Римской империи), или «Леванта», то есть «Восхода (солнца)», как его именовали «франкские» паломники и крестоносцы (собственно, под словом «Восток» также имеется в виду «Восток, то есть восход, солнца»), в X–XI веках – в период, предшествовавший Крестовым походам.

Как уже говорилось выше, каждый юный муслим (мусульманин, магометанин) той далекой эпохи, достигший семилетнего возраста, обязан был посещать начальную школу при местной мечети, обучение в которой длилось пять лет. Причем существовали и специальные начальные школы для девочек (обучение было отдельным). После окончания начальной школы ученик мог продолжать учебу в средней школе. При наличии хороших оценок и соответствующих талантов, молодые студенты – талибы (талибан, то есть «учащиеся») – продолжали обучение в одной из школ высшего звена, наиболее престижными из которых считались университеты Багдада и Каира (уже упоминавшиеся нами выше Аль-Азхар и Низамийя). Обучение в этих университетах значительно облегчалось наличием в двух вышеуказанных городах замечательных библиотек. Государственные ведомства просвещенных мусульманских владык, требовавшие постоянного притока многочисленных высокообразованных чиновников – например, налоговая служба, здравоохранение, палаты мер и весов и др. не испытывали недостатка в квалифицированном персонале, набиравшемся из выпускников мусульманских высших учебных заведений.

Особо важным достижением тогдашних магометанских государств являлась высокоразвитая система здравоохранения. Ее наличие было абсолютно необходимым для таких огромных городов (или, выражаясь по-современному, «мегаполисов»), как Каир (Аль-Кахира) или Багдад. Но и в других сарацинских государствах той поры имелись многочисленные больницы, странноприимные дома, сиротские приюты, дома престарелых и лечебницы для душевнобольных. Причем все вышеперечисленные богоугодные заведения существовали в двухраздельных вариантах – как для женщин, так и для мужчин. В них царил поистине образцовый порядок. Хакимы-лекари, обладавшие законченным высшим медицинским образованием, ежедневно совершали обход всех больных. В перерывах между визитами врачей о пациентах заботился специально обученный санитарный персонал. О больных пациентках заботились врачи женского пола, также имевшие высшее образование, и квалифицированные санитарки. Каждому больному полагалась собственная койка.

Уже в 923 году один из сарацинских министров распорядился открыть ведомственную больницу специально для служащих своего министерства. Труд врачей облегчался ярко выраженным стремлением тогдашних мусульман к чистоте и гигиене (им было предписано Кораном пять раз в день совершать ритуальные омовения и т.д.). Так, по сообщениям арабского писателя

Ибн Джобаира, проживавшего в Дамаске в эпоху султана объединенных в рамках личной унии Сирии и Египта Салах-ад-Дина, с которым мы еще не раз встретимся по ходу нашего повествования, в этом городе имелось около сотни общественных бань, а в пригородах – более сорока зданий для совершения омовений; все они были снабжены водопроводами.

В эти густо населенные издавна земли постоянно совершали вторжения все новые чужеземные завоеватели, приходившие чаще всего из глубин Азии. Однако, осев на завоеванных территориях, они, как уже было сказано выше, в скором времени утрачивали свой воинственный дух. Знамя пророка, выпав из ослабевших рук арабов, удивительно быстро давших развернуть себя благами цивилизации, было подхвачено руками омусульманившихся персов, берберов, тюрок, курдов и других народов, утвердивших его «у стен недвижного Китая», на жарком полуострове Малакка и островах далекой Индонезии, на берегах древней реки Ра, или Итиль (нашей нынешней Волги) среди волжских булгар и в других, весьма отдаленных от Мекки, местах. Жители мусульманского Среднего Востока обладали превосходным вооружением, что не удивительно, ибо они были знакомы со всеми видами металлов и металлообработки. Им давно был известен и порох (через китайцев), хотя они еще не использовали его для стрельбы.

Подобно «франкским» рыцарям, сарацинские «фарисы» носили панцирные рубашки, под которые поддевали многослойные войлочные куртки. Огромной популярностью пользовались спортивные состязания всех видов, упражнения с оружием, скачки и единоборства между всадниками, покрытыми броней. По мнению некоторых исследователей, турниры в форме конных поединков были переняты западным рыцарством именно от сарацинских «фарисов» в эпоху Крестовых походов (так же, как сами арабы в свое время переняли их у тяжеловооруженных иранских витязей Сасанидской эпохи), в то время, как в предшествующую эпоху под словом «турнэ» на Западе понимали не воинские ристания, не поединки с оружием, а обычные конные состязания, вроде скачек.

Теперь скажем несколько слов о взаимоотношениях между проживавшими в Леванте христианами и мусульманскими завоевателями. Чем дольше адепты этих двух религий жили бок о бок друг с другом, тем большую терпимость они проявляли друг к другу. Дело зашло так далеко, что практически все государственные должности (кроме должности «кадия», то есть судьи, остававшейся привилегией исключительно мусульман) оказались доступными для исповедника любой религии. Мусульманские владыки имели даже вазиров (визирей, или, говоря по-нашему, премьер-министров), исповедовавших иудейскую веру. Поэтому приток христианских паломников в Иерусалим, не иссякавший никогда, всегда был желанным для мусульман – хотя бы из-за денег, получаемых ими от паломников.

В XI веке христианские святыни Иерусалима посещало до двадцати тысяч паломников в год. Порой в магометанских городах даже строили новые христианские церкви. Многие христианские монастыри пользовались среди мусульман большой популярностью, поскольку монастырские виноделы занимались распивочной торговлей запретным для магометан вином. С другой стороны, мусульмане нередко тоже совершали паломничества и посещали христианские церкви поклониться выставленным там реликвиям.

Если сравнить ситуацию, существовавшую на Ближнем и Среднем Востоке до начала эпохи Крестовых походов, с положением в тогдашней Центральной Европе, то Европа окажется отнюдь не в выигрышном положении. Городов в Центральной и Западной Европе почти не было. А те немногие города, которые сохранились в Европе с античных времен, насчитывали не более десяти тысяч жителей каждый. Единственными сохранившимися оазисами культуры были монастыри, хотя далеко не все монахи умели читать, писать и даже понимать смысл латинских молитв и псалмов, которые заучивали наизусть. Библиотеки даже старейших и крупнейших монастырей (в первую очередь – итальянских) редко когда могли похвастаться более чем несколькими сотнями томов или свитков.

Орден низаритов

А. Вместо вступления

Выше мы далеко не случайно упомянули, что в движениях, оппозиционных властям предрержавим Арабского Халифата и властям возникших в его недрах исламских государств, существовала своя школа ускоренного массового обучения воинов, в разработке которой ведущая роль принадлежала тайным, преимущественно суфийским, обществам, братствам и орденам, имеющим иранское происхождение и уже в силу этого враждебных правящему «арабскому» истеблишменту; о них у нас еще пойдет речь далее. Теперь настало время начать дестан о самом знаменитом из этих тайных обществ или братств – об ордене низаритов (именовавшихся также батинитами – от арабского слова «ба-тин», означающего «внутренний», «скрытый», «тайный», «эзотерический»).

Учения великих арийских пророков доисламского прошлого – Будды Шакьямуни, Шенраба, Спитама Заратустры, Мани и других стали со временем религией (то есть идеологией) могучих и воинственных держав. Но эти последствия не были связаны с самими пророками как таковыми. Пророки не стремились и не призывали к созданию таких держав силой меча.

А вот Абу аль-Касим бен Абдаллах ибн Абд аль-Муталлиб ибн Хашим (Гашим), сиречь Мухаммед, был пророком совсем иного рода.

Пророк Мухаммед был не оторванным от земной жизни аскетом, царство которого – «не от мира сего», а успешным коммерсантом и реальным практическим политиком, имевшим семью (вот только сына-наследника ему Аллах не дал!), окруженным энергичными, сильными и влиятельными родственниками, унаследовавшими после него не только духовную, но и земную власть над созданным им Халифатом (хотя он сам и был пророком, а не халифом). Прозелиты Абу аль-Касима бен Абдаллаха ибн Абд аль-Муталлиба ибн Хашима вербовались вовсе не из среды «униженных и оскорбленных» или «обездоленных и угнетенных». Подняв черное (а вовсе не зеленое, вопреки широко распространенному заблуждению) знамя Нового Откровения, Мухаммед выковал воинственную и практическую религию для земных хозяев земного мира. Исламская религиозная система, разработанная им, была отлично приспособлена для создания земного, сплоченного и агрессивного государства. То, что было сделано в буддизме, бон-по и зороастризме спустя много лет после смерти проповедовавших их пророков Будды Шакьямуни, Тонпа Шенраба Миво и Спитама Заратустры, Мухаммед сделал сам. Он был властным, суровым и воинственным вождем – армии мусульман уходили в походы на «неверных» уже при жизни пророка.

Иранские по происхождению мудрецы Будда Шакьямуни (Сакьямуни – «мудрец из рода сакиев», ираноязычных азиатских скифов-саков, осевших в Северной Индии), Тонпа Шенраб Миво, Спитама Заратустра (Заратуштра, Зардушт, Зартошт, Зердешт, или, по-гречески, Зороастр) и Мани (Манес, Мани-Хайя) оставили ученикам свои слова, надежды и сомнения. Мухаммед же учил своих последователей не сомневаться. Нищие мудрецы, прикровенно проповедующие учение – это не ислам в том виде, в каком его замыслил Мухаммед. Он замыслил ислам, как молодую феодальную державу, и сам начал строить ее не только мечом духовным, который есть слово Божие, но и мечом земным, железным (не случайно сабля Мухаммеда – знаменитый «зульфикар» – имела не один клинок, а два, как уже говорилось выше). Слова пророка Мухаммеда, опытного и расчетливого купца из славного и богатого города Мекки – были обращены к полководцам и купцам, которые спешили мечом утвердить святую веру и получить торговые монополии.

Если бы у Будды Шакьямуни, Шенраба, Спитамы Заратустры и Мани были сыновья, они, вероятнее всего, стали бы такими же бездомными, бесприютными мудрецами «не от мира сего», как и их отцы. Родственники же Мухаммеда стали феодалами, образовав аристократию созданной им духовно-светской мировой державы. Они были вполне реальны, царство их было «от мира сего» они боролись за место у трона пророка точно так же, как сыновья, племянники, братья и сестры светского феодала.

Секты и расколы в буддизме, зороастризме и других религиях пророческого (профетического) типа возникали, как правило, в связи с различиями в толковании учения. В исламском мире же возникновение расколов, сект и ересей чаще всего определялось политическими причинами. Порой между мусульманскими сектами не было разногласий в обрядах или вероучении – в недрах формально и внешне единой «нации ислама» – мусульманской «уммы» – бурлили чисто политические страсти. Центрами притяжения враждующих толков в исламе оказывались не столько идеи, сколько люди – нередко родственники Мухаммеда и последнего праведного халифа «хызрата» Али. И потому столкновения и даже войны между приверженцами разных толков ислама велись не столько вследствие того, что одни были «еретиками», а другие ими не являлись, сколько вследствие того, что вожди сектантов были выразителями центростремительных процессов в созданной силой оружия исламской державе.

Так, иранский писатель Равенди горестно повествовал о печальной судьбе древнего персидского города Нишапура. В 1154 году он был опустошен кочевниками из тюркского племени огузов (из которого вышли в свое время Сельджуки). В городе, и без того разграбленном врагом, «по причине различия в религиозных толках еще со старинных времен кипела взаимная вражда. Каждую ночь какая-нибудь партия созывала из какого-нибудь квартала ополчение, поджигала кварталы противников и все, что еще оставалось после огузов, уничтожалось... Теперь в Нишапуре, где были собрания друзей, медресе наук и местопребывание лучших людей, пасутся стада, рыщут дикие звери и ползают гады».

Будучи не столько идеологически-религиозными, сколько социальными движениями в мире без четких границ (ведь, как мы уже знаем, теоретически ислам должен был распространиться на всю обитаемую сушу), исламские ереси и толки распространились по разным странам некогда единой мусульманской «уммы».

Уже в середине VII века сторонники неоднократно упоминавшегося нами ранее двоюродного брата и зятя пророка Мухаммеда, четвертого (праведного) халифа «хызрата» Абу-ль-Хасана Али ибн Абу Талиба аль-Кураши, более известного как Али ибн Абу Талиб или просто Али, получившие наименование шиитов, стали утверждать, что только Али получил сокровенное знание от пророка и потому только он имеет право называться духовным вождем ислама – имамом. И потомки Али тоже станут имамами, так как Али передаст им это сокровенное учение.

Б. Шиизм и его разновидности

Дело, вкратце, было так. После смерти пророка Мухаммеда, когда поднялся вопрос о том, кто станет главой мусульманской общины-уммы, а значит, по тем временам весьма большого и могущественного государства, эта исламская умма претерпела раскол на два враждующих лагеря: суннитов, приверженцев ортодоксального направления ислама, и шиитов.

Часть мусульман выступала за то, что власть должна принадлежать только прямым потомкам пророка Мухаммеда, то есть прямым потомкам не раз упоминавшегося нами выше четвертого (праведного) халифа Али, двоюродного брата и сподвижника пророка, унаследовавшего его двухконечный меч Зульфикар и женатого на Фатиме, самой любимой дочери Мухаммеда (изображение «руки Фатимы», издавна служившее на вершием мусульманских – преимущественно шиитских – знамен и боевых значков, считалась и считается по сей день магическим талисманом – оберегом от нечистых духов и других сил зла; любопытно, что и у иудейских каббалистов имеется аналогичный амулет, но заключенный в шестиконечную звезду-гексаграмму, и именуемый «рукой Мириам»). По их мнению, близкое родство с пророком Мухаммедом делало потомков Али единственно достойными правителями исламского государства. Отсюда пошло название шиитов – «ши'ат Али» («партия Али»).

Шииты, изначально составлявшие меньшинство среди мусульман, нередко подвергались гонениям со стороны суннитского правящего большинства, поэтому они были часто вынуждены находиться в подполье. Разрозненные шиитские общины были изолированы друг от друга, контакты между ними были сопряжены с величайшими сложностями, а нередко – и угрозой для жизни. Часто члены отдельных общин, находясь рядом, не подозревали о соседстве единоверцев-шиитов, так как принятая у шиитов практика позволяла тайным приверженцам секретной «партии Али» скрывать свои истинные взгляды. Вероятно, многовековой изолированностью и вынужденной замкнутостью можно объяснить большое количество самых разнообразных, порой чрезвычайно нелепых и безрассудных ответвлений в шиизме.

Шииты по своим убеждениям были имамами, считавшими, что рано или поздно мир возглавит имам – прямой потомок «последнего законного» халифа Али. Имамита верили, что когда-нибудь воскреснет один из ранее живших законных имамов, чтобы восстановить попорченную суннитами справедливость. Главное направление в шиизме основывалось на вере в то, что в качестве воскресшего имама выступит двенадцатый имам, Мухаммед Абуль-Касым (бен Аль-Хосан, бен Аль-Хасан, бен Аль-Гассан), появившийся в Багдаде в IX веке и бесследно исчезнувший в двенадцатилетнем возрасте. Большая часть шиитов свято верила в то, что именно Абуль-Касым являлся «скрытым имамом», которому в будущем предстоит вернуться в человеческий мир в виде некоего аналога иудейского Машиаха, зороастрийского Соашьянта и христианского Мессии – спасителя погрязшего в бесчисленных грехах человеческого рода – Махди (этот грядущий мусульманский Спаситель и обрел в радикальных шиитских кругах известность как «скрытый имам»). Последователи двенадцатого имама впоследствии стали называться «двунадесятниками». Таких же взглядов придерживается большинство современных шиитов.

Примерно по такому же принципу формировались и остальные ответвления в шиизме. «Пятиричники» – верили в культ пятого имама Зейда ибн Али, внука шиитского имама-мученика Гуссейна (Хуссейна), убитого воинами Язида (Йезида) I ибн Муавии (второго халифа из династии Омейядов) под Кербелой (где по сей день сохранилась гробница Гуссейна – центр паломничества шиитов со всего мира; в память убийства имама Гуссейна шииты ежегодно отмечают день «Шахсей-Вахсей», в который, во время траурных шествий, наносят себе кровавые раны саблями, кинжалами и палками с железными цепями). В 740 году имам Зейд ибн Али поднял восстание шиитов против «неправедного» («незаконного») омейядского халифа

и погиб в бою, сражаясь в первых рядах повстанческой армии. Позднее «пятиричники» (именовавшиеся также «зейдитами» или «зейдидами»), разделились на три мелких ответвления, признававших право имамата за теми или иными потомками Зейда ибн Али.

Параллельно с зейдидами-«пятиричниками», в конце VIII века зародилось движение измаилитов, впоследствии получившее широкий отклик в исламском мире.

Именно измаилитами, как мы скоро узнаем, в X веке был основан Фатимидский халифат на территории Туниса и Египта.

Когда в среде шиитов произошел раскол, шестой шиитский имам, Джафар ас-Садик (Садык), лишил имамата своего старшего сына Измаила. Часть шиитов согласилась с решением Джафара, другая часть продолжала почитать имамом Измаила, третья часть признала имамом сына Измаила. Этих шиитских сектантов, взявших себе название в честь этого Измаила, седьмого преемника высшего шиитского святого «хызрата» Али – принято именовать «измаилитами», в отличие от «измаильтян» (как уже указывалось выше, христиане именовали так всех мусульман без исключения, как потомков другого, древнего, ветхозаветного Измаила, сына праотца Авраама-Ибрагима от Агари-Хаджар).

Близким к учению шиитов-измаилитов (и в то же время – гностическому христианству) считается также учение мусульманской секты алавитов (алеитов), особенно распространенной (по сей день) на территории Сирии.

Измаилиты таились в глубоком подполье. Официальные – суннитские – власти жестоко преследовали их за «ересь». И имели на то все основания. Дело в том, что измаилиты были членами тайного мусульманского гностического ордена, выделившимся из радикального крыла шиитского течения ислама, так называемой секты карматов (получивших свое название в честь обращенного в измаилизм «даисом»-проповедником Хусейном аль-Ахвази основателя своей секты Хамдана по прозвищу Кармат, что означает то ли «Коротконогий», то ли «Красноглазый»), пытавшихся добиться своих политических целей – установления господства на всем Востоке, а в перспективе и во всем мире – главным образом посредством интриг и убийств. Хамдан ловко и деятельно проповедовал среди своих приверженцев о грядущем избавителе, внушая, что обряды и всякого рода внешние религиозные предписания – излишни, и провозгласив, что измаилитам (под которыми понимал лишь своих сторонников) Бог разрешает безнаказанно грабить имущество и проливать кровь всех своих противников, включая мусульман иных воззрений. В 890 году карматы возвели в Севаде на территории Ирака крепость Дароль-хиджре. Оттуда в 899—901 гг. их ересь благодаря «даису»-проповеднику Абу Саиду распространились на Бахрейн. В X–XI веках карматы даже основали собственное «коммунистическое» государство в Аль-Ахсе (в Восточной Аравии), в котором, если верить описанию посетившего их суфийского мудреца и поэта Насира Хосрова (Хосроу), все (включая женщин) было общим (в том числе и чернокожие рабы-«зинджи» – существование рабского труда, как видно, уже в ту далекую эпоху не исключалось принципами «коммунистического государства всеобщей справедливости и всеобщего равенства»). В 930 году карматы, давно уже не дававшие проезда мусульманским паломникам в Мекку, совершили чудовищное, с точки зрения как «правоверных» мусульман-суннитов, так и большинства «еретиков»-шиитов, святотатство. Решив окончательно уничтожить хадж, они внезапно напали на святой город Мекку, произвели страшную резню жителей и паломников, раскололи надвое священный «черный камень» магометан, упавший с неба и вделанный в стену мекканского кубического храма – Каабы – и увезли его (или его половину) к себе в Аль-Ахсу (только в 951 году святыня была возвращена мусульманам). Выдавая себя внешне за правоверных мусульман, карматы-измаилиты, втайне (для адептов высоких степеней своей общины) проповедовали, что все дозволено, все безразлично, расшатывая самые основы религии пророка Мухаммеда утверждениями, что все его заповеди являются чисто политическими правилами и поучениями под покровом аллегорий. К секте присоединялись во множестве люди, недовольные социальными порядками.

Халифы чувствовали себя бессильными перед карматами, в течение трех четвертей века бывших бичом Аравии, Сирии, Ирака и Персии; они грабят, уводят жителей в неволю, налагают дань и внушают панический страх.

Следует заметить, что бахрейнские карматы стояли к ортодоксальному исламу ближе, чем севадские, ибо не отвергали Корана принципиально, а объясняли его иносказательно (отсюда их прозвище «батиниты», то есть «аллегористы», «эзотерики», перешедшее впоследствии на низаритов).

После поражения, нанесенного карматам войском от Аббасидов в 976 году, статус карматов упал. Соседи постепенно перестали платить им дань, территория государства карматов стала сокращаться. После отпадения от него в 1058 году Бахрейна (под руководством Аль-Аввама) и – почти одновременно – Эль-Катифа, карматы, утратившие контроль над денежными потоками и доступ к побережью, были вынуждены отступить в оазис Эль-Хуфуф. Но уже в 1067 году объединенные войска арабского эмира Абдуллы бин Али Аль Уюни и турок-сельджуков из Ирака осадили Эль-Хуфуф и после семи лет осады вынудили карматов сдаться на милость победителей.

В Бахрейне и восточной Аравии на смену власти карматов пришла власть династии Уюнидов. К середине XI века карматы в Иране, Ираке и Мавераннахре (Средней Азии между реками Амударья и Сырдарья) были уничтожены. Последнее упоминание о них относится к 1050 году (Насир Хосроу), хотя арабский географ-землепроходец Ибн Баттута, посетивший Катиф в 1331 году, описывает живущих там радикальных шиитов, которых некоторые отождествляют с карматами.

Как бы то ни было, багдадским халифам и другим владыкам правоверных мусульман в свое время потребовалось целое столетие на уничтожение многочисленных шаек карматско-измаилитских анархистов. Когда их еретическое движение было, казалось, уже окончательно подавлено, один из карматских старейшин-«даисов», по имени Абдалла или Абдаллах (Убейдаллах, Обейдаллах), имевший, согласно некоторым версиям, иудейское происхождение, но выдававший себя за правнука Али – знакомого нам мужа Фатимы, дочери пророка Мухаммеда – бежал в Египет (или, по-арабски – Миср), где ему сопутствовал такой успех, что он, захватив власть, смог основать там династию Измаилитов, или Фатимидов, властвовавшую с 909 по 1171 год, считавшуюся всеми мусульманами (естественно, кроме самих измаилитов) еретической и свергнутую только величайшим противником крестоносцев-«франков» – султаном Салах ад-Дином, сыном Малик-Айюба (Эйюба), о котором у нас еще пойдет речь. Измаилитские сектанты, возведя этого первого Фатимида на египетский престол, превратили его в свое покорное орудие, являясь на протяжении более чем трех веков истинными хозяевами Египта и Туниса. Они повсюду основывали тайные ложи, под названием «собраний мудрости», в которых имелось девять степеней посвящения. Обучение в ложах велось так, чтобы привести учеников к полнейшему скептицизму. Тайное учение секты измаилитов сводилось к тому, чтобы «ни во что не верить и на все дерзать».

Каирская ложа измаилитов распространяла свое эзотерическое учение при посредстве упомянутых выше «даисов» («великих миссионеров»), имевших под своим началом «рафиков», или «рефиков» («товарищей», то есть «рядовых миссионеров»). «Рафики» и «даисы» (о которых у нас еще не раз пойдет речь далее) наводнили всю Азию. Измаилитское влияние распространилось на захваченные к тому времени арабами и исламизированные Северную Африку, Палестину, Сирию, Ливан, Йемен, Сицилию, а также на священные для всех мусульман города Мекку и Медину. Однако в остальном исламском мире, включая ортодоксальных шиитов, измаилитов считали опаснейшими еретиками и при любом удобном случае жестоко преследовали.

В. О Гассане ибн Саббахе

Был среди измаилитских «даисов» удивительный человек, которого звали Гассан (Гасан, Хассан, Хасан) ибн Саб-бах. Большинство источников сходится в том, что он был персом, или, во всяком случае, иранцем, хотя некоторые утверждали, что в действительности Гассан был иудейского происхождения. Впрочем, этого обвинения не избежал ни первый фатимидский халиф Египта Абдалла, ни даже сам основатель ислама пророк Мухаммед (матерью которого, якобы, была иудейка, да вдобавок еще и крещеная), так что вряд ли стоит относиться к нему слишком серьезно. Гораздо важнее другое. Этот выдающийся во многих отношениях «даис» (бывший, согласно ряду источников, в юности писцом одной из канцелярий Сельджукского султаната, а согласно другим источникам – другом детства и юности будущего знаменитого астронома и поэта Омара Хайяма и будущего главного вельможи сельджукских султанов Альп-Арслана и Малик-шаха – мудреца Абу Али аль-Хасана ибн Али ибн Исхака ат-Туси, вошедшего в историю под именем Низам аль-Мульк; последний, о котором у нас еще будет подробно рассказано далее, якобы помог Гассану ибн Саббаху сделать блестящую карьеру при султанском дворе, сменившуюся, однако, опалой и переходом Гассана в ряды непримиримой оппозиции султанскому режиму), основал новую ветвь секты – восточных измаилитов, которых, организованных Гассаном ибн Саббахом по образцу отдельного военно-духовного братства, или ордена, прозвали несколько позднее «ассасинами» (о значении этого названия мы расскажем несколько позже).

В 1080-е годы высокоодаренный, обладавший исключительным ораторским талантом, даром убеждения и выдающимися организаторскими способностями молодой измаилитский «даис» постепенно сплотил вокруг себя большое число почитателей, учеников и последователей. Со временем его усилиями были созданы тайный измаилитский орден, а затем и целое измаилитское орденское государство, история которого была прервана только начавшимся в 1256 году татаро-монгольским завоеванием Среднего Востока.

Гассан ибн Саббах родился в середине XI века и умер в 1114 (или в 1124) году. Но результаты его деятельности сказались на событиях вплоть до середины XIII века.

Согласно наиболее распространенной версии жизнеописания Гассана ибн Саббаха, он провел свои детские, отроческие и юные годы в расположенном на территории древней западноиранской провинции Мидии торговом городе Рее, городе старинном (упоминаемом в священной книге древних ариев «Авесте» под названием «Раги»), с незапамятных времен считавшемся центром ересей (и в то же время – местом рождения великого арийского пророка Спитама Заратустры, по-гречески – Зороастра, по-новоперсидски: Зердешта или Зардушта – основателя маздеизма, или маздаяснийской веры, презрительно именуемой мусульманами и христианами «огнепоклонством»).

В древнем иранском городе Рее был широко распространен измаилизм – в первую очередь среди ремесленников и торгового люда, преимущественно персидской национальности. Именно в этой среде жил молодой Гассан. Сохранились его воспоминания, в которых он рассказывает, как его в юности склоняли к измаилизму. Юноша отчаянно сопротивлялся «соблазнительям», не желая ступить на опасный путь, грозивший ему гибелью. Гассан ибн Саббах оставался стойким в исламском суннитском правоверии до тех пор, пока не заболел. Испугавшись смерти, он дал обет – в случае выздоровления стать измаилитом. Выздоровев, Гассан обратился к «соблазнительям». Один из них был чеканщиком по металлу, другой – кожевник-дел мастером, и они свели молодого человека с профессиональным проповедником, миссионером-«даисом», у которого нашлись более веские аргументы, чем у кожевника.

Гассан ибн Саббах оказался настолько умен и энергичен, что рейские измаилиты направили его в цитадель этого учения, «еретического» с точки зрения всякого «правоверного»

мусульманина (как суннита, так и шиита) – Египет (или, как говорили и все еще говорят, вслед за арабами, все мусульмане – Миср, о чем мы уже упоминали выше) – для повышения образования.

Мудрые и искушенные пропагандисты, измаилиты умели ценить молодые дарования и растить ценные кадры, готовить орденскую смену.

Гассан ибн Саббах провел в Аль-Кахире (или, по-нашему, Каире), столице измаилитского Египетского халифата Фатимидов, несколько лет, поднаторел в риторике (искусстве говорить) и в диалектике (искусстве спорить), научился у египетских измаилитов ловко вербовать сторонников, словом – приобрел необходимые знания и опыт проповедника – «да'и», «даи», «дая» или «даиса» -, но высоко в духовной иерархии Фатимидского халифата не поднялся. Да и не до того было: Фатимиды оказались жертвой типичного для всех мусульманских династий раскола. В очередной раз возникла проблема, кто – истинный халиф, а кто – узурпатор. К этому времени относится обострение полемики между двумя течениями, на которые раскололась «ересь» измаилизма – низаритами и мусталитами. Низариты считали, что имамом является Абу Мансур Низар, старший сын фатимидского халифа Египта аль-Мустансира. Дело было в том, что в конце своего правления халиф аль-Мустансир (1036–1094) неожиданно лишил своего старшего сына Низара права наследования престола в пользу его младшего брата Мустали. После смерти отца Низар начал борьбу с могущественным вазиром (везиром или визирем, то есть, выражаясь современным языком, «премьер-министром» – слово «вазир» происходит от персидского титула «вазирг» эпохи Сасанидов) Аль-Афдалем (поддерживавшим Мустали). В борьбе Назир потерпел поражение, попал в плен и был казнен в 1095 году. В среде измаилитов произошел раскол. В Фатимидском Египте (включавшем первоначально Северную Африку), а также в Йемене и в мусульманской (западной) Индии, в конце концов, утвердились именно мусталиты, но за его пределами (в частности, в Персии и Ираке) большинство измаилитов были склонны придерживаться низзаритского толка (или, если воспользоваться терминологией русский староверов-раскольников – «низзаритского согласия»). В Сирии первоначально ни одна из двух измаилитских фракций не получила преобладания, и только в XII веке там взяли верх низариты.

Молодому, но честолюбивому не по годам начинающему религиозному деятелю стало совершенно ясно, что Фатимидский халифат измаилитов стареет и слабеет. Фатимиды уже утратили свои владения в Северной Африке (в частности, Туниса), уступили остров Сицилию воинственным норманнам, а свои владения в Сирии – туркам-сельджукам. Провести жизнь, ратуя за египетского халифа-мусталита, отвергаемого не только суннитами и шиитами, но даже большинством самих измаилитов, придерживавшихся низзаритских воззрений, означало согласиться на горькую судьбу безвестного мученика. Однако ни безвестное служение высокой идее, ни мученический венец Гассана ибн Саббаха не привлекали. Он стремился всеми средствами найти свой путь к власти. Для этого молодой честолюбец готов был использовать Фатимидского халифа и измаилизм, но не собирался становиться верным рабом человека или учения.

Молодой и энергичный, как говорится, в самом расцвете духовных и физических сил – ему еще не было и тридцати лет от роду, – тщеславный и немало повидавший измаилит возвратился из далекого Мисра в родной Иран. Он остановился в столице Сельджукского султана – мегаполисе (по тогдашним понятиям и временам) Исфагане, где без труда нашел приют у единоверцев-измаилитов (низзаритского толка).

Сегодня мы невольно поражаемся тому, насколько мобильными и легкими на подъем (по сравнению с жителями тогдашнего христианского Запада – правда, до эпохи Крестовых походов!) были люди мусульманского Востока. Дошедшие до нас жизнеописания большинства из них представляют собой, по сути дела, нескончаемую череду сменяющих друг друга, как в калейдоскопе, селений, стран и городов, в которых они побывали, то ли по делу, то ли торгуя, то ли путешествуя от двора одного владыки ко двору другого. Через весь Восток тянулись

вереницы паломников, совершающих «хадж», стремясь достичь священного города Мекки, чтобы поклониться черному камню-метеориту Каабы (тому самому, от которого нечестивые карматы святотатственно откололи половину). Через весь Восток (а если быть точнее – от Испании – «страны Аль-Андалус», исламизированной почти целиком, до Турфана, граничащего с «недвижным Китаем» Туркестана) ехали по своим делам мудрецы и поэты, купцы и искатели приключений (а проще говоря – авантюристы, любители половить рыбку в мутной воде). И для каждого была важна принадлежность к той или иной исламской подсистеме, к тому или иному направлению, той или иной секте. В каждом городе у каждого находились союзники и помощники среди единомышленников. За высоким, глухим глинобитным забором-дувалом всякий, кто нуждался в крове и защите, мог укрыться у единомышленников от враждебных властей и недругов.

Известие о том, что в городе появился знаменитый «даис», прибывший из самого Каира – гнезда измаилитской ереси – возможно – с инструкциями от еретиков-Фатимидов, вызвало тревогу у сельджукского султана Малик- (Мелик-)шаха, положение которого в его трудно управляемом из-за громадных размеров, многонациональном государстве было непрочным и которому повсюду мерещились заговоры. Фатимидов подозревали (не без оснований!) в том, что они, через свою измаилитскую «пятую колонну», ведут в соседних мусульманских государствах подрывную пропаганду.

Стража Малик-шаха кинулась на поиски Гассана ибн Саббаха. Несколько недель «даис» скрывался у верных людей. В этот период вынужденной изоляции Гассан ибн Саббах сформулировал собственную программу, которую решил проповедовать среди иранских низаритов. В своей программе он не отошел от духа и буквы Корана, от законов шариата. Новизна заключалась в следующем, выраженном с предельной четкостью и ясностью, стратегическом постулате:

«Цель религии – правильный путь к познанию Бога. Познание Бога разумом и размышлением невозможно. Познание возможно только личным поучением имама».

Из этого следовало, что всякий человек, взыскующий истины, но не имеющий истинного учителя – имама, черпающий знания из других источников, достоин порицания. Все человечество, не признающее имама, скрытого от глаз непосвященных, погрязших в пороках и невежестве людей и известного лишь «Великому Просветленному» Гассану ибн Саббаху, глубоко заблуждается. А потому неминуемо попадет в ад. Ни христиане, ни иудеи не спасутся по определению, ибо им неведомо слово пророка Мухаммеда. Но и никакие мусульмане, в том числе даже измаилиты (кроме низаритов) тоже не спасутся, поскольку они тщетно пытаются постичь слово пророка Мухаммеда разумом.

Слепое послушание (являющееся основой всякой орденой дисциплины) было главным девизом Гассана ибн Саббаха.

Естественно, что безусловное подчинение духовному вождю требует от адептов, подчиняющихся ему, определенной степени невежества. И, по свидетельству современников, Гассан ибн Саббах проявлял в этом плане завидную последовательность. «Он препятствовал простым людям углубляться в знания, так же как людям знатным – в постижение старых книг».

Г. «Теология ненависти»

Деление всего рода человеческого на две неравные группы: группу приверженцев Гассана ибн Саббаха (предназначенное к спасению и вечному загробному блаженству «малое стадо» истинно верных и верующих) и на всех остальных, обреченных на вечные адские муки, дополнялось идеей о том, что двуногое, обладающее разумом и членораздельной речью население Земли делится на «людей» и «нелюдей», «человеков» и «недочеловеков». Так, по учению Гассана ибн Саббаха (как нам уже известно, перса, или, во всяком случае, иранца по происхождению), турки «не из детей Адамовых происходят, а некоторые называют их джиннами (нечистыми духами или, по-нашему, по-русски, бесами – В.А.)».

При желании можно видеть в Гассане ибн Саббахе предтечу расистов более поздних эпох. Однако подобные взгляды были распространены среди иранцев издавна – еще арийский пророк Заратустра именовал в своих «Гатах» кочевников-туранцев (с которыми иранцы, а за иранцами и арабы впоследствии стали, по созвучию, ассоциировать турков-турок), нападавших на праведных земледельцев Ирана (Арианы, то есть «Страны Ариев») порождениями злых духов – дайвов (дэвов, дивов) и самого Князя Тьмы, духа Лжи и Зла – Ангхро-Майнью (Аримана). Мало того! «Вредными демонами» («демонами-вредителями») и «порождениями Аримана» оседлые иранские зороастрийцы называли кочевые скотоводческие племена не только тюркского происхождения, но и, например, парфян или арабов-бедуинов.

Аналогичные упоминания содержатся в разных частях упомянутой выше священной книге ариев-зороастрийцев древнего Ирана – «Авесте». После грехопадения первого (согласно авестийским книгам «Видевдат», 2 и «Яшт», 13.130) или третьего (согласно остальным авестийским текстам) земного правителя Йимы (иранский аналог нордического прачеловека Имира; у мусульман его именовали Джамшидом), в мир пришло Зло. Высшее творение Духа Добра и Правды Ахура-Мазды (Ормазда, упоминаемого, между прочим, под именем «Маздан», в поэме Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль», в которой повествуется о рыцарях-храмовниках – хранителях Святого Грааля, часто ассоциировавшихся с рыцарями военно-духовного ордена тамплиеров, о которых у нас еще пойдет речь далее) – род людской – стал несовершенен духовно и телесно, люди не только утратили земное бессмертие, но и приобрели физические недостатки (которые считались «печатью» Аримана). Появились целые «народы-храфстра» («храфстра» означает по-авестийски «мерзость», «скверна», «нечисть»), целые «дэвовские (демонические, бесовские) расы»: «Говорят, что Йима, когда величие (то есть «Хварно – Божественная Благодать» –, а по другому толкованию – разум) покинуло его, из страха перед дэвами (демонами, бесами) взял дэва женского (пола) в жены, а Йимак, которая была (его) сестрой, отдал в жены дэву; и от них пошли ... люди-обезьяны, и... другие всяческие уродства; к «народам-храфстра» в «Авесте» причисляются, кстати, также негры.

Аналогичные примеры можно было бы приводить до бесконечности – и проще всего ссылаться при этом на «дремучее невежество и суеверие» древних обитателей Земли. Восточно-римский автор готто-аланского происхождения Иордан в своем историческом трактате «О происхождении и деяниях гетов (готов – В.А.)» именовал гуннов (между прочим, тоже родственное тюркам племя) плодом совокупления колдуний-алиорун (галиурун) со злыми духами (иначе – демонами или бесами). Средневековые летописцы христианской Европы именовали напавших на нее в XIII веке татар Бату-Хана (с легкой руки французского короля-крестоносца Людовика IX Святого) «тартарами», то есть «исчадиями ада», «сынами преисподней» (по античному названию глубочайшей части подземного мира, в которой мучились самые страшные грешники, например, богоборцы-титаны – Тартару; от слова «Тартар» происходит также наше выражение «провалиться в тартарары»), а монголов – опять же по созвучию – ассоциировали с ветхозаветными «магогами» (которым надлежало напасть на народ Божий в конце

времен). Примеры такого рода можно было бы приводить бесконечно. Во всяком случае, Гассан ибн Саббах, используя давнее предубеждение иранцев («арийцев») против всех не иранцев («не-арийцев») вообще (не случайно шиизм, как течение, резко оппозиционное по отношению к «неправедным», «неверным» арабским халифам Дамаска, Самарры и Багдада, хотя и возник первоначально в арабской среде, но укрепился и развился именно в иранских областях) и против «туранцев» (в описываемое время ассоциируемых однозначно с тюрками) – в частности, привлек на свою сторону всех, обиженных этими тюрками (в данном конкретном случае – турками-сельджуками). Кстати, не кто иной, как второй праведный халиф, соратник самого пророка Мухаммеда, основателя ислама, знаменитый Умар ибн аль-Хаттаб аль-Фарук, он же Омар I, повелитель правоверных, отнявший у ромеев-христиан Дамаск, погиб в свое время при входе в мечеть от кинжала, направленного в его грудь не кем-нибудь, не каким-нибудь арабом, иудеем, сирийцем или греком, а именно новообращенным в ислам иранцем – персом Абу Лаулу Перозом. Факт, что и говорить, многозначительный. Что ни говори, а традиции – великая вещь...

Гассан ибн Саббах отказался сообщить кому бы то ни было, кто же тот «тайный», «скрытый» или «сокровенный» имам, который будет направлять его самого и его учеников. Имам был именно тайным, скрытым, сокровенным, его имени было нельзя называть. А пока истинный имам был фикцией, его взялся замещать Гассан ибн Саббах.

Вот так возникло радикальное учение, у которого были тайный учитель и вполне реальный вождь. Вождь требовал от своих учеников слепого подчинения потому, что он один знал истину. Тем adeptам, которые выражали ему полное подчинение, вождь гарантировал райские кущи. Всем остальным он гарантировал адские муки. Тюрки, по его учению, не являлись людьми. Христиане и иудеи, с его точки зрения, также людьми в собственном смысле слова не являлись. Мусульмане, не исповедующие измаилизм в низаритском, и притом именно проповедуемом Гассаном ибн Саббахом варианте (неважно, сунниты, шииты или измаилиты), были, по его учению, тоже «почти не люди» (недочеловеки, германские национал-социалисты первой половины XX века называли бы их «унтерменшами»). Справедливости ради, следует заметить, что в описываемую эпоху не только измаилиты Гассана ибн Саббаха отличались сходной этно-религиозной нетерпимостью. Так, скажем, среди христиан, в том числе образованных (причем как представителей западной, «латинской», римско-католической, так и восточной, «греческой», православной, или греко-кафолической, церкви) было широко распространено представление, что иудеи суть «видимые бесы». Но это так, к слову...

Всевозможных тайных обществ, орденов и сект в те годы на мусульманском Ближнем и Среднем Востоке было множество, и проповедники плодились, как грибы после дождя. Выделиться среди этой пестрой массы, предлагавшей правоверным варианты и рецепты спасения и вечного блаженства на любой вкус, и найти себе adeptов и сторонников было не так-то просто, тем более, если пророку всего тридцать лет от роду.

Но в тяжелые периоды истории угнетенные всегда ждут учителя, наставника, ждут несущего им освобождение (пусть иллюзорное) спасительного слова проповедника и вождя. Своеобразная «теология освобождения» Гассана ибн Саббаха была настолько проста, что ее мог понять даже самый темный и неграмотный крестьянин (собственно, на таких «простецов», или, иначе говоря, невежд, «профанов», как сказали бы масоны, она и была рассчитана). Эта программа освобождала adeptов нового тайного учения от необходимости думать и самому принимать решения. Она утверждала, что вождь и пророк знает абсолютную и окончательную истину. Она облачала эту истину в темные покровы величайшей тайны. Она обещала «верным, претерпевшим до конца», безоговорочное спасение и вечное блаженство.

Самое слабое место низаритского учения, проповедуемого Гассаном ибн Саббахом, заключалась в том, что его радикализм неизбежно вступал в конфликт с официальной идеологией тогдашних мусульманских государств. Для торжества его тайного ордена в мусульманском

мире должна была существовать критическая, смертельно опасная ситуация. Но, как на грех, такой ситуации в конце XI века, до начала Крестовых походов, в исламском мире как раз и не существовало! Официальный, казенный, правоверный ислам защищали не только многочисленные армии султанов, падишахов и амиров, но и миллионы верующих мусульман, запуганных крайним, оголтелым экстремизмом, неустанно проповедуемым Гассаном ибн Саббахом и его адептами.

В течение десяти долгих лет Гассан ибн Саббах вел свои пламенные проповеди в разных городах Ирана, вербовал сторонников среди измаилитов низаритского толка, гонимых и преследуемых казенным исламским духовенством, действовавшим в тесном союзе со светскими властями. Три года неутомимый «даис» провел в области Дейлем, к юго-западу от Каспийского моря, проповедуя среди тамошних племен (имевших, как и он сам, иранское происхождение). В представлениях дейлемитов официальный ислам (в первую очередь – суннизм) четко ассоциировался с господством чужеземных захватчиков – турок-сельджуков (так же, как ранее – с властью чужеземных захватчиков-арабов). Поэтому именно среди дейлемитов Гассан ибн Саббах, проповедовавший, что турки – не люди, а нечистые духи во плоти, искал базу для создания своего орденового государства – тем более, что среди дейлемских горцев укрылись в свое время недобитые иранскими шахами-маздаяснийцами из династии Сасанидов сторонники коммунистического движения маздакитов (V-VI вв.), продолжавшие тайно проповедовать свое учение до самого прихода в Иран арабов-мусульман (но также и после него).

Постепенно число сторонников «даиса» возрастало, но вместе с тем возрастали и опасения сельджукских властей. Один из писателей того времени, выражая настроения, господствующие среди сельджукского суннитского истеблишмента, писал:

«Нет ни одного разряда людей, более зловещего, более преступного, чем этот род (измаилиты вообще и низариты – в частности – В.А.)... Если, упаси Аллах, державу (Султанат Сельджуков – В.А.) постигнет какое-либо несчастье... эти псы выйдут из тайных убежищ и нападут на эту державу».

Главным идеологическим и политическим врагом Гассана ибн Саббаха стал не араб и не турок, а упоминавшийся выше перс-суннит Абу Али аль-Хасан ибн Исхак по прозвищу Низам аль-Мульк («Устроитель Государства»), просвещенный вазир сельджукского султана Малик-шаха, атабек – то есть приемный отец этого султана по завещанию его подлинного отца – предыдущего султана Альп-Арслана, знаменитого победителя ромейского василевса-императора Романа Диогена (Дигениса) в битве при Манцикерте (Маназкерте) в 1075 году – и основатель знаменитого Багдадского университета Низамийа. Крайне обеспокоенный упорными слухами о постоянно возрастающей активности прибывшего из Египта измаилитского «даиса» (в котором он видел, прежде всего, тайного агента еретиков Фатимидов, засланного в державу Сельджукидов с подрывными целями), вазир направил отряд надежных воинов для поимки возмутителя спокойствия, и бродячий проповедник этнорелигиозной нетерпимости с большим трудом спасся бегством, чуть не попав в руки преследователей, когда его мул пал в безлюдной местности, где не было ни одного селения.

Но Гассан ибн Саббах был поистине человеком выдающейся энергии и таланта, прирожденным лидером, преуспевшим в совершении невероятного. Высоко одаренный «даис» сумел превратить забитых и привычно покорных чужеземным завоевателям (арабским ли, тюркским ли – в данном случае неважно) персидских крестьян, искусно совращенных им в новую ересь, в удивительно упорных воинов, в которых, казалось, каким-то чудом воскресла древняя доблесть богатырей-пехлеванов ахеменидского, парфянского и сасанидского Ирана.

Д. Захват «Орлиного Гнезда»

Гассан ибн Саббах задумал завладеть крепостью, в которой со своими адептами мог бы укрываться от преследований Сельджукидов и готовить силы для дальнейшей борьбы. Свой выбор он остановил на крепости Аламут («Орлиное Гнездо»), находившейся вблизи богатого торгового города Казвина, расположенного в Западной Персии, в той же горной области Дейлем, в которой его проповеди сопутствовал такой успех.

«Даис» выбрал Аламут по трем причинам.

Во-первых, крепость Аламут находилась на достаточном удалении от столицы сельджукских султанов Исфагана.

Во-вторых, в окружавших крепость Аламут селениях проживало немало приверженцев измаилитского учения;

В-третьих, Аламут был поистине неприступной твердыней.

Эта крепость, ставшая впоследствии важнейшим укреплением низаритского ордена, возведенная на высокой скале близ одной из вершин западного Эльбурса (священной горы древних ариев), поднимающейся на почти четыре тысячи метров над уровнем моря, стояла в труднодоступной горной долине, утесы по сторонам которой представляли собой дополнительные укрепления. Сама же крепость (расположенная примерно в ста километрах от Тегерана) оседлала отвесную скалу высотой более двухсот метров, которая возвышалась в центре долины, где было расположено несколько деревень, населенных новообращенными измаилитами. В крепости имелся источник пресной воды.

Взять штурмом Аламут, охраняемый даже небольшим гарнизоном, было практически невозможно. Если верить иранскому летописцу Рашид ад-Дину Фазлуллаху ибн Абу ль-Хайру Али Хамадани (обычно именуемому сокращенно – Рашид ад-Дин Фазлуллах Хамадани), автору знаменитого «Сборника летописей» («Джами ат-таварих»), монгольский хан Хулагу, после сдачи крепости изнуренными долгой осадой низаритами монголо-татарам в 1256 году, поднялся наверх для осмотра Аламута и «от величия той горы прикусил зубами палец изумления» (Рашид ад-Дин Фазлуллах Хамадани, «Джами ат-таварих», III, 37, М-Л, 1946).

Но все это произошло гораздо позднее, а пока что на дворе стоял 1090 год от Рождества Христова.

Первым делом низариты начали обрабатывать коменданта крепости Алави Махду (симпатии которого к измаилизму не были для них секретом). Одновременно помощник Гассана ибн Саббаха занялся тайной, но весьма активной агитацией среди рядовых воинов гарнизона.

Комендант Аламута, героическими усилиями пытавшийся сохранить верность присяге, некоторое время колебался, но, когда ему были обещаны три тысячи полновесных золотых динаров и право свободного выхода из крепости, он решился сдать Аламут. Верно было сказано в Евангелии: «Не можете служить Богу и мамоне»...

Среди низаритов, впущенных не устоявшим перед искушением богатством комендантом в крепость, был и сам Гассан ибн Саббах, переодетый бедным ремесленником – тихий, скромный, немногословный человек.

Он передал коменданту записочку, по которой тот должен был получить в городе Дамгане три тысячи динаров золотом у богатого купца (по удивительному стечению обстоятельств, оказавшемуся тайным низаритом). Алави усомнился, что по записке такого «низкого человека» ему выплатят такую колоссальную сумму. Но скромный ремесленник только улыбнулся и успокоил коменданта. «Маловерный, зачем ты усомнился...».

Алави был последним человеком на Земле, который видел Гассана ибн Саббаха переодетым, скрывающимся, гонимым и настороженным. Отныне тот стал «царем горы».

Сребролюбивый комендант меж тем отправился в торговый город Дамаган. Купец, к которому Гассан его направил, ввел Алави Махду в заднюю комнату своего дома, отослал слуг и попросил показать данную тому в Аламуте записочку.

Узнав почерк Гассана ибн Саббаха, купец благоговейно поцеловал записку, приложил ее ко лбу по общему мусульманскому обычаю и... через несколько минут вручил гостю увесистый мешок с тремя тысячами золотых динаров.

Существует, впрочем, и другая версия захвата Аламута, согласно которой семеро низаритских «даисов» (включая Гассана ибн Саббаха) втершись в доверие к коменданту крепости, силой скрутили его, когда он угощал их (совершив тем самым возмутительное преступление, с точки зрения традиционного мусульманского гостеприимства, подняв руку на гостеприимного хозяина, преломившего с гостями хлеб, то есть разделившего с ними трапезу) и впустили в крепость своих сторонников.

Известие о падении Аламута встревожило султана Мелик-шаха. Еще больше его обеспокоило сообщение, что низариты согнали местных земледельцев строить другие крепости по соседству с Аламутом.

Как бесстрастно сообщал иранский летописец, «добру и злу внимая равнодушно»:

«Завладев Аламут, Гассан напряг все силы, чтобы захватить округа, смежные с Аламут, или места, близкие к нему. Он овладел ими путем обмана своей проповедью. Что же до тех мест, где не были обмануты его речами, он завладевал ими убийствами, войной и кровопролитием. Везде, где он находил утес, годный для укрепления, он закладывал фундамент крепости».

Гассан ибн Саббах вел себя совершенно непонятно для властей предрежащих (как духовных, так и светских). Так еще никто себя не вел в исламском мире. Обычно пророки шли из города в город, скрываясь от властей, и проповедовали втайне. Этот же сидел в неприступной горной крепости и с высоты ее грозных башен открыто и дерзко бросал вызов всем владыкам земным. Со всех концов не только султаната Сельджукидов, но и всего необъятного исламского мира к нему стекались все новые сторонники. Уходя в «Орлиное гнездо» (любопытно, что так же, только по-немецки – Адлерсхорст – называлась впоследствии берхтесгаденская резиденция другого «вождя ариев» – Адольфа Гитлера – в Баварских Альпах), человек становился неподвластным всем царям земным. Что же до его загробного блаженства в лучшем мире, то заботу об этом всецело брал на себя Гассан ибн Саббах.

Не следует забывать, что для человека Средневековья (причем не только мусульманина!) рай и ад были понятиями не менее реальными, чем окружающая его земная действительность.

Тюркский амир (что означает по-арабски «князь», «принц», «начальник» – этому титулу у тюрков соответствует более привычное для нашего уха слово «эмир») Юрюн-Таш, правивший областью, в которой действовал Гассан ибн Саббах, первым из сельджукских властителей Ирана двинулся в поход, чтобы ликвидировать «осиное гнездо» проклятых низаритов. Поход представлялся амиру делом нетрудным: ему предстояло расправиться лишь с кучкой обманщиков-еретиков, хитростью овладевших крепостью.

Амир сжег селения в долине, казнил низаритов, попавших в руки его воинов, и окружил крепость плотным кольцом осады.

Гассан ибн Саббах слишком поздно осознал, какую совершил ошибку. Он не рассчитывал, что амир будет так оперативен, и не запаса вовремя зерном. И теперь ему нечем было кормить гарнизон и беженцев, заполнивших крепость.

Тогда бесстрашный «даис» собрал защитников Аламута и сообщил им, что прошедшей ночью к нему явился скрытый имам и приказал крепость ни в коем случае не сдавать. И такова была сила убеждения Гасана ибн Саббаха, что герметически отрезанные от внешнего мира низариты все как один поклялись умереть, но не уступить врагу.

Амир ровным счетом ничего не знал о положении в крепости. В осажденном Аламуте не нашлось ни одного изменника, который бы ему об этом сообщил. Через три дня он потерял терпение, снял осаду и увел свой отряд из долины.

Следующее суровое испытание выпало на долю Гассана ибн Саббаха ровно через год. На этот раз за дело взялся сам сельджукский султан Мелик-шах. Он отправил своего полководца во главе сильного войска, приказав ему не возвращаться до тех пор, пока тот не вырвет с корнем росток заразы.

Сельджукские войска подступили к Аламуту в марте. На полях только начинались посевные работы. Аламутская долина была опустошена войной. Накопить за зиму необходимые для выживания гарнизона и беженцев в осажденной крепости запасы Гассан ибн Саббах, как ни старался, не успел. К тому же в крепости с ним оставалось мало людей – не больше семи десятков человек, способных держать в руках оружие. Три долгих месяца продолжалась осада сельджуками Аламута. Осажденные низариты ели совсем понемногу, только чтобы не умереть с голоду, и неустанно бились с осаждающими.

Когда у осажденных не осталось никаких сомнений в том, что выдерживать осаду дальше совершенно невозможно, Гассан ибн Саббах тайно, в грозовую ночь, спустил на веревке одного из молодых парней, и тот, благополучно миновав посты врагов, выбрался из долины. На следующий день он был уже в центре области Дейлем – городе Казвине, где местные низариты с тревогой ждали вестей.

Тут же была проведена поголовная мобилизация всех низаритов в городе. Всего набралось более трех сотен человек, фанатично и решительно настроенных, готовых победить или умереть во славу скрытого имама и его пророка.

Низаритский ударный отряд вошел в Аламутскую долину в сумерки. Измаилиты скрытно продвигались к Аламуту по крутым склонам, поросшим лесом, в полном молчании, стараясь не греметь оружием. Дождались ночи. Гарнизон осажденной крепости был уже предупрежден проникшими в нее снаружи лазутчиками, что помощь близка, и приготовился к вылазке.

Гассан ибн Саббах оставался в своей келье, которую построили специально для него, когда Аламут был захвачен. Стены этой кельи были такими же толстыми, как и внешняя крепостная стена. Внутри кельи вела лишь небольшая дверь. В крепостной стене была прорублена вторая дверь, и за дверью была небольшая терраса – уступ, нависший на двухсотметровой высоте. Вождь мог выйти на уступ. Оттуда на много фарсангов (поприщ) открывался вид на долину, над которой господствовал Аламут.

Никто из шедших, казалось, на верную смерть низаритов не сомневался в том, что в заоблачной келье своего «орлиного (или, для недругов, осиногo) гнезда» Гассан ибн Саббах беседовал со скрытым имамом, который должен был защитить защитников истинной веры.

Сонные сельджукские часовые были сняты быстро и бесшумно. Они не успели даже поднять тревогу. И тут же началась беспощадная, кровавая резня. В полной темноте, ошеломленные, застигнутые врасплох, не понимая, что происходит, оказавшиеся меж двух огней сельджукские воины, попавшие под двойной, комбинированный удар низаритов (как со стороны долины, так и со стороны Аламута), метались между походными шатрами. Дико ржали кони, отчаянно вопили раненые, скрипели, опрокидываясь, повозки. Крики и лязг скреещающихся клинков долетали даже наверх, в заоблачную келью Гассана ибн Саббаха.

Разгром был полный. Лишь малая часть захваченных низаритами врасплох турок-сельджуков смогла вырваться из долины смерти.

По всему Востоку растекались слухи: в неприступной горной крепости поселился некий таинственный пророк, очевидно, избранный самим Аллахом для совершения великих дел. И какие бы испытанные рати ни посылал против него сельджукский султан, никто и ничто не в силах одолеть его. Гассана уже называли «горным старцем», хотя он был совсем еще не стар.

В последующие годы сторонникам Гассана ибн Саббаха удалось захватить (чаще всего, без боя, хитростью или подкупом, как Аламут) или побудить к переходу на сторону «горного старца» путем искусных переговоров ряд крепостей в долинах Рудбар и Кумисе, несколько городов в области Кухистан, а также несколько сильно укрепленных замков – «рибатов» – на западе – в горных районах Ливана и Сирии.

В историю низариты «горного старца» вошли, прежде всего, как террористы-самоубийцы. Но к тактике использования террористов-самоубийц Гассан ибн Саббах пришел не сразу. Существует легенда, согласно которой он принял такое решение благодаря срочно возникшей необходимости убить неугодного вазира Низам аль-Мулька.

Е. Прямое действие

Дело было так. В 1092 году в городе Сава (Савэ), расположенном в самом сердце Сельджукидской державы, был совершен дерзкий террористический акт, ознаменовавший собой начало нового этапа в истории измаилитов. В этом городе существовала низаритская ячейка (говоря языком «вольных каменщиков» – ложа, а языком «углежогов»-карбонариев – вента), в которой состояло восемнадцать человек. Действовать ложе приходилось в глубоком подполье, ибо правитель города желал искоренить низаритскую опасность. И потому, когда низариты обратили в свою веру (или, если посмотреть на это дело с точки зрения правоверных мусульман, «совратили в свою ересь») некоего важного чиновника (по другой версии – муэдзина главной городской мечети, то есть духовное лицо весьма высокого ранга, способное облегчить им проникновение в казенный духовный истеблишмент), они сочли это важным достижением. Но новообращенный вдруг чего-то испугался и отрекся от низаризма. Опасаясь грозящего им разоблачения и выдачи властям, низариты решили ликвидировать отступника. Исполнителем приговора избрали плотника Тахира. Плотник заколол малодушного чиновника (или муэдзина) кинжалом, но был схвачен на месте преступления, во всем сознался (после допроса «с пристрастием») и был казнен по личному приказу султанского вазира Низам аль-Мулька.

То были первое политическое (хотя, конечно, при желании можно считать его и религиозно мотивированным) убийство, о котором достоверно известно, что оно было совершено низаритами, и первая казнь низарита за совершенное им политическое убийство. Гассану ибн Саббаху этот частный случай подсказал новую стратегическую линию. Убийство не только возмущает, но и устрашает врагов.

Так в тиши аламутского уединения была сформулирована теория политического террора, которая суждено было надолго пережить ее создателя и дожить до наших дней.

Гассан ибн Саббах стал первым (со времен сикариев-зилотов древней Иудеи) политиком, который превратил политический террор в основное средство убеждения оппонентов. Террор должен был стать средством всеобщего устрашения и шантажа.

Чтобы добиться успеха, необходимо было найти адекватный ответ на два главных вопроса:

1) Как проводить покушения и как афишировать (или, выражаясь современным языком, «пиарить») их;

2) Как выковать кадры послушных и нерассуждающих исполнителей террористических актов, подготовить высокопрофессиональных и бестрепетных убийц, способных преодолеть все препоны, проникнуть через любые кордоны и, если нужно, погибнуть после совершения убийства (то бишь «законного возмездия злодею», а проще говоря – террористического акта).

Эта система складывалась не сразу и не была задумана заранее, в рамках некоей стройной концепции, а разработана, так сказать, по ходу дела – у Гассана ибн Саббаха просто не было времени на разработку концепций, ему не терпелось поскорей начать террор против «вредоносных демонов» и испытать свои «кадры» в деле. Первая «сакральная жертва» уже была избрана. Дерзкий террористический акт должен был вселить ужас в сердца врагов и восславить «горного старца».

В конце сентября 1092 года «горный старец» повелел своим «вернейшим из верных» собраться на площадке перед его аламутской кельей.

Он медленно обошел безмолвный строй молодых сподвижников, «поедавших глазами начальство». Многие уже выказали верность и отвагу в дни обороны «горного гнезда» от тюркских «джиннов», прозвавших Аламут, после понесенного под его стенами поражения, «гнездом смерти». Низариты напряженно ждали. Все понимали, что сейчас шейх произнесет «самые важные слова».

И Гассан ибн Саббах спросил их:

«Кто из вас пресечет в этом государстве вред, исходящий от Низам аль-Мулька, нашего главного врага?»

Несколько человек вышли вперед. Так было положено начало созданию добровольческого корпуса убийц – «фидаинов» – «жертвующих собой».

В пятницу 18 октября 1092 года к крытым носилкам Низам аль-Мулька, которого несли из дворца в гарем (как у всякого состоятельного мусульманина тех времен, у почтенного вазира было много жен) подбежал какой-то человек. Неизвестный раздвинул занавески носилок и всадил в сердце великого вазира остро отточенный кинжал (возможно, смазанный ядом). Одного удара оказалось достаточно. Смерть наступила мгновенно.

Убийца пустился бежать, но споткнулся обо что-то и упал. На него накинулись телохранители и задушили на месте (последнее обстоятельство представляется нам довольно подозрительным – ввиду серьезности совершенного преступления не мешало бы взять террориста живым и выпытать у него «всю подноготную» – не протянулись ли щупальца низаритских заговорщиков до самого султанского дворца?)...

Существует и иная версия этих разыгравшихся в славном городе Исфагане драматических событий. В отместку за убийство муэдзина главной мечети города Савы, предводителя местных низаритов города (а вовсе не плотника Тахира), по приказу вазира Низама аль-Мулька, схватили и предали медленной мучительной смерти. После казни замученного убийцы показательно проволокли по улицам Савы и на несколько дней вывесили труп на главной базарной площади. Жестокая казнь единоверца вызвала взрыв негодования и возмущения в среде низаритов, докатившись до крепости Аламут. Возмущенная толпа аламутских низаритов сошлась к келье своего духовного наставника и главы тайного ордена. По легенде, Гассан ибн Саббах поднялся на крышу своей кельи и громогласно произнес: «Убийство этого шайтана (дьявола, демона, беса, сатаны – В.А.) предвосхитит райское блаженство!»

Не успел «горный старец» спуститься с крыши в свою келью, как из толпы выделился молодой человек по имени Бу Тахир Аррани (однако же не плотник, а один из «фидаинов» – «готовых жертвовать собой») и, опустившись на колени перед Гассаном ибн Саббахом, изъявил желание привести в исполнение вынесенный смертный приговор, даже ценой своей собственной жизни.

Небольшой отряд фанатиков-низаритов, получив благословение от главы своего ордена, разбился на мелкие группы и двинулся в сторону столицы государства Сельджукидов. Ранним утром 10 (а не 18) октября 1092 года фидаин Бу Тахир Аррани каким-то способом умудрился проникнуть на территорию дворца вазира. Спрятавшись в зимнем саду, он терпеливо поджидал свою жертву, прижав к груди длинный, острый, как бритва, кинжал, лезвие которого было предварительно смазано ядом. Ближе к полудню на аллее появился рослый тучный человек, облаченный в пышные, богатые одежды и белоснежный шелковый тюрбан, увитый жемчужными нитями (передвигавшийся пешком, а не в носилках). Бу Тахир Аррани никогда не видел вазира, но, судя по тому, что человека, идущего по аллее, окружало большое количество телохранителей и вооруженных молодых рабов-гулямов, убийца решил, что это мог быть только вазир. За высокими, неприступными стенами дворца порядком разленившиеся телохранители чувствовали себя слишком уверенно, и обязанность охранять жизнь и здоровье вазира воспринималась ими как не более чем ежедневная ритуальная повинность. Улучив удобный момент, Бу Тахир Аррани подскочил к нечестивому вазире и нанес ему, по меньшей мере, три удара (а не один, как в вышеприведенной версии) отравленным кинжалом. Ошеломленная стремительностью теракта охрана подоспела к месту преступления слишком поздно. Прежде чем убийца был схвачен, вазир уже бился в предсмертных конвульсиях. Охрана в буквальном смысле слова порвала Бу Тахира Аррани на куски, но смерть злополучного Низама аль-Мулька стала сигнала-

лом к штурму дворца другими фидаинами тайного ордена, бывшими уже наготове. Низариты окружили и подожгли дворец убитого вазира, в суматохе сгоревший дотла.

Люди Гассана ибн Саббаха позаботились о том, чтобы ни у кого не осталось сомнений – карающая рука была направлена «горным старцем». Весть об убийстве в считанные дни прокатилась по всему Востоку, вызывая удивление, возмущение, растерянность и страх.

То же предание гласит, что низариты, силой отбив у слуг убитого вазира труп своего товарища, Бу Тахира Аррани, укрыли его от преследователей и похоронили в укромном месте по мусульманскому обряду (хотя, если верно предыдущее утверждение, согласно которому разъяренные своим промахом телохранители Низам аль-Мулька «растерзали его убийцу в клочья», то хоронить фидаинам пришлось не труп соратника, а оставшиеся от него кровавые ошметки; впрочем, легенда есть легенда, в ней не обязательно должны сходиться все концы с концами). По приказу Гассана ибн Саббаха на воротах крепости Аламут была приколочена бронзовая табличка, на которой было выгравировано имя Бу (Абу) Тахира Аррани, а напротив него, имя его жертвы – великого вазира Низама аль-Мулька. С годами эту бронзовую табличку пришлось увеличить в несколько раз, так как список стал составлять уже сотни имен вазиров, эмиров, мулл, улемов, муфтиев, имамов, ишханов, султанов, шахов, маркизов, герцогов и прочая и прочая...

Согласно третьей версии, изложенной, в частности, историком Ибн аль-Асиром, убийство вазира произошло не в самом городе Исфагане, а в военном лагере султанского войска (шедшего войной на низаритов), в двух переходах от Исфагана, в виду Дейлемских гор. Низам аль-Мульк, собиравшийся навестить своих жен, ждавших его в соседнем шатре, был заколот сопровождавшим его в походе юношей, которому доверял, как самому себе (поскольку в детстве спас того от голодной смерти). Юноша оказался глубоко законспирированным низаритским фидаином, получившим тайный приказ ликвидировать вазира. Он вонзил кинжал (или нож, которым резал дыню) в сердце Низама аль-Мулька в тот момент, когда вазир протягивал ему кусок лепешки (тем самым, вполне в духе низаритов, совершив тяжкое преступление – убив человека, преломившего с ним хлеб).

Как бы то ни было, сельджукский султан Малик-шах был потрясен убийством своего верного советника и друга более других – кинжал низарита, направленный в сердце (а если верить другой версии, то и в другие важные органы и части тела) вазира, был нацелен и в него. Султан приказал увеличить охрану – сотни вооруженных до зубов и неуспящих стражей окружали его днем и ночью. Ни на секунду султан не оставался один.

Он приказал собрать большую армию, чтобы уничтожить гнездо низаритов в Аламутской долине. И велел эмирам, поставленным во главе войска, не возвращаться без головы «горного старца».

Однако через двадцать дней после физического устранения Низама аль-Мулька неожиданно ночью скончался сам султан сельджуков Малик-шах. Никто и по сей день не знает, как и почему его настигла смерть, но современники были убеждены, что султана отравили (причем, скорее всего, вездесущие, неуловимые измаилиты). «Грибков поел», как говорится. Дело известное, еще со времен древнеримского императора Клавдия...

Конечно, смерть султана была выгодна не только Гассану ибн Саббаху. У Малик-шаха было великое множество других врагов, желавших ему гибели. Но именно для главы измаилитского ордена смерть сельджукского султана была последним и желанным шансом на спасение – ведь если бы упорный Малик-шах остался жив, низариты бы не удержались в Аламуте. Уж очень своевременной была эта смерть для низаритов, чтобы исключить возможность убийства, совершенного фидаинами (весьма часто, как нам уже известно, применявшими, в качестве орудия «совершения праведной мести», а попросту говоря – заказного убийства – не только кинжал, но и яд, а еще чаще – кинжал, отравленный ядом).

Предусмотрел ли политический гений «горного старца», что именно произойдет после смерти султана и его мудрого везира, никому сегодня не ведомо. Но обстоятельства сложились весьма благоприятно для низаритов. Как только султан переселился в мир иной, в Сельджукской державе разгорелась ожесточенная борьба за престол.

Сельджукское государство держалось лишь силой оружия, и стоило центральной власти пошатнуться, как немедленно начались восстания во всех подвластных сельджукам областях и завоеванных ими государствах. Страна была ввергнута в пучину бедствий. Новый султан вновь и вновь собирал армии, чтобы укротить мятежных феодалов. Города были разрушены, крестьянство обнищало, торговля почти прекратилась.

Эти годы лихолетья были благодатными для Гассана ибн Саббаха. Они дали ему возможность распространить власть своего тайного духовно-военного ордена не только на отдельные крепости, но и на целые районы. В обстановке всеобщей разрухи и вражды низариты стали для многих последней надеждой и опорой.

Дерзкое и притом успешное покушение на жизнь верховного вазира представлявшегося столь несокрушимым государства Сельджукидов повлекла за собой настолько сильный резонанс во всем исламском мире, что это невольно подтолкнуло Гассана ибн Саббаха к очень простому, но, тем не менее, гениальному выводу: можно разработать весьма эффективную оборонительную доктрину орденского государства и, в частности, движения исмаилитов-низаритов, не затрачивая значительные материальные средства на содержание большой регулярной армии. Необходимо было создать свою «спецслужбу», в задачи которой входило бы устрашение и показательное устранение тех, от кого зависело принятие важных политических решений; спецслужбу, которой ни высокие стены крепостей, дворцов и замков, ни многочисленная армия, ни преданные телохранители не могли бы ничего противопоставить, чтобы защитить потенциальную жертву.

Прежде всего, надлежало разработать и отладить механизм сбора достоверной информации. К этому времени у Гассана ибн Саббаха во всех уголках исламского мира уже действовало бесчисленное количество проповедников – «рафиков» и «даисов» -, которые регулярно сообщали ему обо всех происходящих событиях. Однако новые реалии требовали создания разведывательной организации качественно иного уровня, чем, скажем, в свое время – у карматов. Всепроникающей организации, агенты которой имели бы доступ к высшим эшелонам власти. Низариты одними из первых ввели понятие «вербовка». «Горный старец» – шейх исмаилитов, вещавший и правивший от имени скрытого имама – фактически обожествлялся. Преданность единоверцев Гассану ибн Саббаху делала его непогрешимым. Его слово было больше чем закон. Его воля воспринималась как проявление самого Божественного разума. Низарит, входящий в разведывательную структуру тайного ордена, почитал выпавшую ему долю, как величайшую честь и проявление высочайшей милости Аллаха. В процессе каждодневной «промывки мозгов» ему усиленно внушалось, что он появился на свет лишь для выполнения своей «великой миссии», перед которой меркнут все мирские соблазны и страхи.

Благодаря фанатичной преданности своих агентов, Гассан ибн Саббах был подробнейшим образом информирован обо всех планах врагов низаритов, будь то правители Шираз, Бухары, Балха, Исфагана, Каира, Самарканда или же далекого Хорезма. Главе низаритского ордена играло на руку то обстоятельство, что его враги были не только разобщены, но и постоянно враждовали между собой и вели изнурительные, кровавые войны за первенство и главенство в исламском мире (так, например, халиф багдадский из рода Аббасидов враждовал с азербайджанскими атабеками из рода Эльдегезидов, владетель могучей Хорезмской державы – хорезмшах – с халифом багдадским, и так без конца). При этом противники не только бросали друг на друга армии, но прибегали и к индивидуальному террору. А для совершения террористических актов им необходимы были специалисты в этом деле. А лучшими специалистами в этом деле были низариты «горного старца», со всеми вытекающими из этого последстви-

ями... Но они стали такими специалистами не сразу. Организация террора была немыслима без создания продуманной технологии подготовки, обучения и тренировки профессиональных убийц, безразличие к собственной жизни и пренебрежительное отношение к смерти которых делало их практически неуязвимыми.

Ж. В центре низаритской паутины

В своей аламутской штаб-квартире Гассан ибн Саббах создал настоящую школу по подготовке разведчиков и диверсантов-террористов. К середине 90-х гг. XI века Аламутская крепость стала лучшей в тогдашнем мире академией по подготовке тайных агентов как узкого, так и широкого профиля. Действовала она крайне просто, тем не менее, достигаемые ею результаты были весьма впечатляющи. Гассан ибн Саббах сознательно сделал процесс вступления в свой тайный орден крайне сложным. Из примерно двухсот кандидатов к завершительной стадии отбора допускали максимум пять-десять человек. Перед тем, как кандидат попадал во внутреннюю часть «Орлиного гнезда», ему сообщалось о том, что после приобщения к тайному знанию обратного пути из ордена у него быть не может.

Одна из многочисленных сложенных о низаритском ордено легенд гласит, что Гассан ибн Саббах, будучи человеком весьма образованным и разносторонним, имевшим доступ к самому разного рода знаниям, никогда не отвергал чужого опыта, почитая его как желанное приобретение. Так, при отборе будущих мулидов-террористов, он воспользовался методикой древних китайских школ боевых искусств, в которых отсеивание кандидатов начиналось задолго до первых испытаний. Молодых юношей, желавших вступить в орден низаритов, держали перед закрытыми воротами от нескольких суток до нескольких недель. Только самых настойчивых приглашали во внутренний двор. Там их заставляли несколько дней впроголодь сидеть на холодном каменном полу, довольствуясь скудными остатками пищи и ждать, порой под ледяным проливным дождем или снегопадом, когда их пригласят войти внутрь дома. Время от времени на внутреннем дворе перед кельей Гассана ибн Саббаха появлялись его адепты из числа низаритов, успешно прошедших первую степень посвящения. Они всячески оскорбляли, даже избивали молодых соискателей, желая проверить, насколько сильно и непоколебимо их желание вступить в ряды фидаинов. В любой момент молодому человеку позволялось подняться и уйти восвояси. Лишь прошедшие первый круг испытаний допускались в дом главы тайного ордена. Их кормили, мыли, переодевали в теплую и добротную одежду... Для них начинали приоткрывать «врата иной жизни».

Измаилиты «горного старца» отбирали в свои боевые группы физически сильных молодых людей. Предпочтение отдавалось сиротам, поскольку от «фидаина» требовалось навсегда порвать с семьей. После вступления в орден его жизнь всецело принадлежала «горному старцу», или, как его называли, Великому Владыке. Правда, в ордено измаилитов вступившие в него адепты не находили решения проблем социальной несправедливости, зато «горный старец» гарантировал им вечное блаженство в райских садах взамен отданной реальной жизни.

Секретный орден, созданный Гассаном ибн Саббахом, имел, как и всякая орденская организация, строгое иерархическое построение. На самой низшей ступени орденской иерархии находились рядовые члены ордена – «фидаины» – исполнители смертных приговоров (и в ходе исполнения этих приговоров, действительно, нередко «жертвующие собой»). «Фидаины» действовали в духе слепого повиновения и, если умудрялись выжить, через несколько лет, повышались до следующей степени – «рафика» (рефика), буквально «товарища», «старшего рядового» или «рядового проповедника». Следующей за степенью фидаина была степень «ласика» («причастного к тайне»). До этой степени непосредственно через «даисов» передавалась воля «горного старца». Следующей за степенью «ласика» в иерархической пирамиде ордена измаилитов была степень «даи» (даиса, дая), или «старшего проповедника» («старшего миссионера»). Продолжая продвигаться по иерархической лестнице, теоретически можно было подняться и до статуса «дай (даи, дая, даиса) аль-кирбаль», которые подчинялись только, скрытому от посторонних глаз, таинственному «горному старцу» – Великому Владыке ордена измаилитов и главе низаритского орденского государства с центром в Аламуте – шейху Гассану

ибн Саббаху. Эти семеро «высших даисов», или «высших неизвестных», именовавшихся также «хранителями тайны» или «хранителями учения», скрывали ото всех свои лица под белыми капюшонами с прорезями для глаз. Выше «горного старца» стоял (по крайней мере, теоретически) сам «скрытый (тайный, сокровенный) имам» – проводник и вершитель воли Аллаха на земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.